Вежливые люди императора

Автор:
Александр Харников

Вежливые люди императора

Александр Петрович Харников

Военная фантастика (АСТ)Канцлер Мальтийского ордена #1

Недолго продлилось правление императора Павла I. Взойдя на престол в ноябре 1796 года, он был убит заговорщиками в марте 1801 года. Можно только гадать – как изменилась бы история нашего Отечества, если бы заговор гвардейских офицеров, оплаченный британским золотом, закончился неудачей. Вполне возможно, что не было бы кровавых войн с Наполеоном Бонапартом, не сгорела бы Москва, а Россия осталась бы в стороне от всеевропейской войны.

Группа спецназовцев ФСБ «Град» и гражданских лиц из XXI века таинственным образом перенеслись в март 1801 года. И теперь судьба непутевого императора и всей России в руках этих вежливых «пятнистых» людей.

Александр Харников

Вежливые люди императора

© Александр Харников, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Автор благодарит за помощь и поддержку Макса Д (он же Road Warrior) и Олега Васильевича Ильина.

Пролог

Давным-давно, на том месте, где через века появится Санкт-Петербург, простирались непролазные болота и рос вековой лес. Вдоль Невы в небольших деревушках жили коренные обитатели этих мест – ижоры. Они были язычниками и поклонялись своим богам, обитавшим в деревьях и камнях. Жрецы-арбуи с помощью волшебных заклинаний беседовали с богами и духами – добрыми и злыми, получали от них мудрые советы и предсказания. Богам и духам ижоры по праздникам приносили жертвы – добытую в лесах дичь, пойманную в Неве и в Ладоге рыбу, и другие дары здешней скудной северной земли.

Но среди множества языческих богов был камень-чародей, чей дух требовал совсем другие жертвы. Звался этот камень Атаканом. Ему не нужны были зайцы, утки и щуки. Ему нужна была теплая человеческая кровь. А если камень этот вовремя не окропляли кровью, то на ижорские деревеньки обрушивались страшные напасти – болезни, голод, нашествия безжалостных врагов. И ижоры вынуждены были убивать на этом камне людей – захваченных во время войн и набегов пленных, окропляя горячей кровью его заросшие ржавым мхом бока.

Шло время, и Атакан становился все более и более ненасытен. Он требовал все новые и новые жертвы. Пленных уже не хватало, поэтому ижоры начали приносить в жертвы кровавому камню своих сородичей. И ничего с этим поделать было невозможно.

Ижоры плакали, горевали, а потом взмолились перед духом Невы-кормилицы и попросили ее спасти их бедных от гнева ненасытного Атакана. Сжалилась над ними река, изменила свое русло и погребла в пучине глубоких вод своих страшный камень.

Обрадовались ижоры, горячо поблагодарили матушку-Неву, только радость их оказалась преждевременной. Атакан начал мстить людям за то, что они перестали приносить ему жертвы. В том месте на Неве, где на дне реки навек упокоился кровавый камень, стали происходить страшные вещи. То лодка с рыбаками опрокинется, и люди, запутавшиеся в сетях, пойдут ко дну. То моряк с проходящего по Неве купеческого судна свалится за борт и утонет. То стирающая на реке белье женщина ни с того ни с сего упадет с мостков в воду и захлебнется.

Шли века, менялась жизнь на землях племени ижор. Отшумели-отгремели жестокие сражения Северной войны, и на берегах Невы волею русского царя Петра Алексеевича «из тьмы лесов и топи блат вознесся пышно, горделиво» огромный город, ставший новой столицей Российской империи. А в том месте, где на дне Невы лежал кровожадный камень Атакан, проложили переправу, соединявшую Новгородский тракт с дорогой на Выборг. В 1786 году, в царствование императрицы Екатерины Великой, здесь навели Воскресенский плашкоутный мост.

Страшный же камень продолжал собирать свои жертвы. Шепотом местный люд рассказывал, что в полнолуние на Неве, в том месте, где на дне реки лежал Атакан, вдруг появлялся черный водоворот, который втягивал в себя не только людей и животных, но и свет ночных звезд и луны. А из водоворота «вылазила всяка нечисть», измывавшаяся над православным людом – «поганые рожи корчила да срамные слова кричала». Привлекал таинственный черный водоворот и самоубийц, которых словно магнитом тянуло в эти гиблые места.

Во времена императора Александра II Освободителя на этом месте начали строить постоянный каменный мост. И вот, в сентябре 1876 года, полужидкий грунт прорвался в кессон, где работали двадцать восемь человек – строителей моста. Пятеро из них погибли. Через год на том же самом месте произошел взрыв. Массивный потолок кессона отбросило далеко в сторону. Девять рабочих, находившихся наверху, этим взрывом убило на месте. Илистый грунт хлынул в кессон и затопил работавших в нем людей. Ликвидация последствий этой катастрофы длилась около года. Летом 1878 года с того гиблого места извлекли двадцать мертвых тел. Причину взрыва так и не удалось выяснить.

В 1879 году мост наконец торжественно открыли. Он был назван в честь императора Александра II и получил имя Александровского. А через некоторое время на нем стали пропадать люди. Не гибнуть, а просто бесследно исчезать,

словно их никогда и не было.

Знатоки петербургских тайн рассказывали, что мост, который после революции переименовали в Литейный, в полнолуние окутывает таинственный желтый туман, и вошедшие в него люди пропадают «неведомо куда» – какая-то колдовская сила забрасывает их в иные времена, в иные земли, откуда никому назад ходу не было. Правда это или нет, никто точно сказать не мог…

Глава 1. Они спасут тебя

13 сентября 2018 года.

Санкт-Петербург. Набережная Робеспьера

Василий Васильевич Патрикеев —

журналист и историк

Интересно, почему так темно на улице? Если верить календарю, то на дворе должно быть полнолуние. Но на небе не видно ни звезд, ни луны. Да и свет от фонарей на набережной Робеспьера какой-то странный, словно неземной. Чудеса, да и только!

Из дома я вышел загодя, и на вокзал, по всем моим расчетам, должен был успеть. Там я не спеша куплю билет на последнюю электричку и отправлюсь в свое любимое Орехово. Доберусь я до него за полночь, но от станции до дома идти всего ничего. Середина сентября считается в Ленинградской области бабьим летом, но по ночам уже случаются заморозки. Потому-то, выходя из дома, я оделся потеплее, поддев под куртку-ветровку вязаный шерстяной свитер.

А завтра с утра я снова засяду за свою книгу. Хорошо работается за городом – тишина, свежий воздух, птички чирикают, словом, именно то, что нужно для творческого процесса. Сейчас я пишу об одном изрядно подзабытом эпизоде отечественной истории. А именно – о визите в начале XIX века незваных

аглицких гостей в тогдашний Ревель.

Вскоре после убийства заговорщиками императора Павла I на Балтику вломился со своей эскадрой знаменитый британский адмирал Горацио Нельсон. 2 апреля 1801 года он без объявления войны напал на Копенгаген, разгромил датский флот и обстрелял городские кварталы столицы королевства. Следующей его целью должен был стать Ревель. Но там Нельсону не удалось повторить то, что он сотворил в Копенгагене. И пришлось однорукому британскому флотоводцу неуклюже попытаться выдать вторжение в российский порт за визит вежливости. Хороша вежливость – наведенные на город и порт пушки, и морские пехотинцы на борту английских линейных кораблей и фрегатов.

Какое интересное было тогда время! Если бы заговор графа Палена и братьев Зубовых провалился и император Павел I остался бы жив, то история России могла пойти по совсем другому пути. Не было бы войн с Наполеоном, Аустерлица, Прейсиш-Эйлау, Фридланда, Тильзитского мира, битвы на Бородинском поле, сожженной Москвы, гибели сотен тысяч людей, кровопролитных сражений за пределами России, «Битвы народов» под Лейпцигом и взятия Парижа.

А ведь император Павел Петрович сделал тогда правильный вывод из ошибок, допущенных им во время войны с французской Директорией. Он убедился, что так называемые союзники России используют русские войска только как пушечное мясо, а в случае, когда им это выгодно, преспокойно предают «варваров-московитов».

Все необходимое для моей работы заранее скачано на флэшку, а несколько книг – справочников лежат в дипломате. Там же находится и мой ноутбук. Что мне еще надо? Да в общем-то ничего. Кое-что из еды есть в холодильнике на даче. Ну, а если и захочется чего-нибудь вкусненького, то все необходимое можно без особых проблем купить в местном «сельпо».

Однако хорошо быть пенсионером! Вот уже третий год подряд я не спешу по утрам в редакцию и полностью волен в своих поступках. Хотя если честно, то порой я сильно скучаю по работе. Журналист – профессия мобильная. Мне пришлось поездить по стране, побывать во многих «горячих точках». В «лихие 90-е» довелось поработать в СМИ в качестве репортера, освещавшего работу правоохранительных органов. С той поры у меня появилось немало хороших знакомых в этих самых органах. Правда, некоторые из них, как и я, уже на

заслуженном отдыхе. Других нет в живых. А некоторые до сих пор продолжают трудиться на своих постах. Но журналистикой я теперь занимаюсь, что называется, не выходя из дома. Работаю с материалами по истории России и мечтаю написать книгу, в которой попытаюсь разрушить некоторые устоявшиеся мифы и стереотипы о славном прошлом нашей Родины.

…Вот впереди уже показались изящные пролеты Литейного моста с его узорчатыми чугунными перилами. Осталось лишь пересечь Неву, свернуть на Арсенальную набережную и, продефилировав мимо Ильича, стоящего на броневике с протянутой рукой, войти в кассовый зал Финляндского вокзала.

Неожиданно в глазах у меня потемнело. Со мной такое порой случается – гипертония дает о себе знать. Но то, что происходило сейчас, меньше всего было похоже на обычный гипертонический криз. Вокруг меня вдруг все завертелось и закрутилось с бешеной скоростью. Я почувствовал, что проваливаюсь в огромную черную воронку. Неведомая сила подхватила меня как пушинку и потащила в бездонную дыру, разинувшую страшную пасть рядом с опорами Литейного моста. В ушах раздался адский хохот. На какое-то время я потерял сознание…

Очнулся я от холода. Я сидел на снегу, хотя всего несколько минут назад снега и в помине не было, а на газонах зеленела слегка пожухлая от ночных заморозков трава. Все вокруг выглядело так, словно из сентября я перенесся в январь или февраль. В окружающем меня мире все неожиданно изменилось. Куда-то пропал Литейный мост, не видно было силуэта Финляндского вокзала, гостиницы «Санкт-Петербург» и корпусов Военно-медицинской академии. Местность показалась странно знакомой, но где я ее раньше видел, мне так и не удалось вспомнить.

Шагах в ста от меня стояли какие-то машины, три из них были «Тиграми» – бронированными машинами силовиков. Рядом с закамуфлированными «Тиграми» стоял тентованный грузовичок, а еще одна машина, судя по синей мигалке и канареечному цвету кузова, была «скорой». Вокруг них мелькали силуэты людей.

Кряхтя и охая, я поднялся с земли, отряхнул снег с одежды и, слегка прихрамывая, направился к машинам. Люди вокруг них, что-то горячо и эмоционально обсуждавшие, заметив меня, словно по команде замолкли.

Оба-на! А тут, похоже, находятся ребята из «системы» – на плечах двух из них я заметил звездочки, причем крупные. Один из офицеров – к сожалению, лицо я его не мог разглядеть в темноте – вдруг изумленно воскликнул:

– Васильич, а ты что тут делаешь?! Что, и тебя угораздило попасть под этот замес? Может быть, ты подскажешь нам, что это было и куда мы попали?

Я узнал по голосу своего старого знакомого – подполковника Михайлова из питерского «Града». Мы познакомились с ним много лет назад, во Вторую Чечню под Аргуном. Тогда он был еще старшим лейтенантом. Позднее мы не раз с ним встречались, как во время официальных мероприятий, так и в частном порядке.

– Ничего не могу понять, Игорек, – ответил я. – Кстати, приветствую тебя! Сколько мы уже с тобой не виделись? А кажется мне вот что – нас с тобой куда-то зафутболило. Ты, кстати, любишь романы о попаданцах, то бишь о путешественниках во времени?

– Люблю… – растерянно пробормотал он. – А что, Васильич, и ты считаешь, что нас занесло в прошлое или будущее? Во дела! А где мы сейчас, по-твоему, находимся?

– Эх, если бы я знал… Будем смотреть и размышлять. Ясно только, что на дворе зима, и что мы в прошлом. Большего я тебе ничего точно сказать не могу. Хотя, – я внимательно огляделся вокруг, – кажется, начинаю догадываться…

13 сентября 2018 года.

Санкт-Петербург. Литейный проспект.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович,

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу

и Ленинградской области «Град»

Вот и не верь после всего случившегося в плохие предчувствия. Редко когда моя «чуйка» меня подводила – в этом я убеждался не один раз. Она спасала мою задницу в самых невероятных ситуациях, и потому, наученный горьким опытом, я со всем вниманием относился к ней.

Это я все к тому, что мне почему-то сразу не понравилась «гениальная» идея вышестоящего столичного начальства провести совместные учения наших орлов с «Гранитом» – СОБРом Управления питерской Росгвардии. Нет, против самих «гранитчиков» я ничего не имею – ребята там служат неплохие, со многими из них мне приходилось иметь дело по службе. Но что-то в грядущих экзерциях меня сразу же насторожило. Впрочем, как потом выяснилось, на росгвардейцев я грешил зря. В том, что с нами сегодня стряслось, они не виноваты. А вот что это было, я до сих пор понять не могу.

Согласно бумаге, пришедшей из Москвы, нам надлежало следовать «конно и оружно» в Лемболово, в Учебный центр Росгвардии, где наши бойцы должны были взаимодействовать с СОБРом, проявляя мужество и массовый героизм – «освобождать заложников» и «задерживать террористов». Наверняка туда уже привезли пару списанных автобусов и легковушек, которые мы в ходе учений превратим в металлолом.

Отправиться к месту проведения игрищ для столичных гостей должно было отделение, плюс снайперская пара. Ну, и я, от руководства «Града». Итого – четырнадцать человек. Хорошо, что не чертова дюжина. Человек я не суеверный, но ехать, хоть бы и на учения, тринадцатого числа в количестве тринадцати человек – это как-то уж совсем стремно…

В Лемболово мы отправились на трех «Тиграх», прихватив с собой всю штатную экипировку отделения: щиты, броники, штурмовые костюмы, шлемы. Ну, и, конечно, оружие: начиная от короткоствoлов и заканчивая «калашами» и ГМ-94[1 - ГМ-94 – российский помповый гранатомет с подвижным стволом.]. Боеприпасов и спецснаряжения мы прихватили с большим запасом – кто знает, сколько нам придется палить, ломать и безобразничать вместе с коллегами из «Гранита», дабы ублажить начальство, которое будет наблюдать за нашей «войнушкой». В общем, как говорил кто-то из царских сатрапов: «Патронов не жалеть!»

Начальство попросило меня подхватить на Литейном 4, у Большого дома[2 - В доме 4 по Литейному проспекту находится Управление ФСБ по Санкт-Петербургу

и Ленинградской области. В народе это огромное мрачное здание называют Большим домом.], одного из столичных кураторов совместных учений, майора Коновалова, с которым я был немного знаком. Мужик неплохой, с боевым опытом. Пальцы никогда не гнул, права не качал, и с ним можно всегда найти общий язык.

Но майора у Большого дома не оказалось. Я связался с ним по мобильнику, и он попросил меня подождать минут десять. Дескать, сейчас ему должно позвонить начальство из Москвы и дать очередные ЦУ. Эх, если б не та задержка, то, вполне возможно, все было бы по-другому…

Что произошло – я так и не понял. Все случилось неожиданно. В глазах у меня потемнело, словно я оказался на центрифуге – было такое в моей биографии. Руки и ноги вдруг налились тяжестью, желудок подпрыгнул до самой глотки, а рот заполнила тягучая слюна. Чудовищная сила вжала меня в сиденье. Сзади, в пассажирском отсеке что-то загремело. «Тигр» подпрыгнул, будто норовистый конь. Я посмотрел в окно, но там было темно, как у негра в… ухе.

«Тигр» наклонился вниз и задним ходом съехал в огромную воронку. Потихоньку вращение стало замедляться. Наступила ватная тишина. В пассажирском отсеке кто-то надрывно закашлялся и хрипло выругался. За окном снова стали видны звезды и полная луна. Но я почувствовал, что мы находимся не у въезда на Литейный мост, а в каком-то совершенно ином месте, хотя оно и показалось мне смутно знакомым.

Я открыл дверь машины и осторожно высунул голову из салона. В лицо пахнуло морозцем. Рядом с нами стояли два других наших «Тигра», какой-то тентованный грузовичок и канареечного цвета «скорая» с надписью «реанимация». Мигалки ее работали, отбрасывая во все стороны лучи синего света. До меня донеслись приглушенные голоса. Странно, но на улице не было видно ни фонарей, ни рекламных щитов. Впереди я заметил покрытую льдом и заметенную снегом реку, весьма похожую на Неву. Но если это была Нева, то куда подевались Литейный мост, Финляндский вокзал, Большой дом? И вообще, куда мы попали?!

Все неясное – опасно. Это золотое правило не раз выручало меня в разных передрягах. Поэтому я передал по рации своим ребятам команду «Занять круговую оборону!» и попытался связаться по рации с базой. Но эфир был пуст – девственно пуст. Все в нем словно вымерло. Лишь изредка в динамике

потрескивали какие-то атмосферные помехи. Я попробовал перейти на другие частоты, но результат был таким же. Странно все это, очень странно…

– Викторыч, что происходит? – спросил у меня подполковник Баринов, командир отделения и мой старый приятель. – Если ты что-то понимаешь, то я ни бум-бум. Ясно только одно – мы угодили в какой-то катаклизм. А вот в какой именно?

– Мне и самому, Коля, ни черта не понятно. Такое впечатление, что мы в Питере, но что-то тут не так. Все выглядит, словно мы перенеслись в прошлое. Вроде мы остались на том же самом месте, но многие приметные вещи куда-то подевались…

– Товарищ подполковник, – неожиданно вмешался в наш разговор «Сыч», в миру старший лейтенант Герман Совиных. – Очень все это похоже на то, как будто бы мы перенеслись в другое время. Знаете, как это бывает в романах о путешествии из одного века в другой. Где-то что-то там переклинило, и мы провалились в прошлое. Я люблю читать книги о попаданцах. Сейчас их много выходит…

– Гм, говоришь, в прошлое? – мне почему-то не понравилось предположение Сыча, однако оно объясняло многое из происходящего вокруг нас. На всякий случай я посоветовал Баринову поставить задачу его бойцам: вести наблюдение, о всех, кто появится поблизости от нас, немедленно докладывать, а в случае прямого контакта не проявлять явной агрессии. Словом, как в детской игре: «Да и нет не говорить, черное и белое не называть». Ведь еще не известно, как местное население отнесется к нашему появлению. Может, примет нас за выходцев из ада, которые вдруг свалились на их бедные головы.

Сам же я вместе с Сычом вылез из «Тигра» и решил поближе познакомиться с теми, кто сидел в «скорой» и в грузовичке. Эти-то уж точно были не из прошлого. Похоже, что они, как и мы, угодили в ту же воронку, и вместе с нами их закинуло невесть куда.

– Пан (это был позывной Баринова), тут какой-то человек идет в нашу сторону, – передал по рации один из бойцов. – Одет вроде по-нашему, а в руках у него дипломат.

– Пусть идет, – ответил Пан, – а ты продолжай наблюдение, не теряй бдительность.

Вскоре я увидел мужчину, который, прихрамывая, брел по снегу. У меня хорошая зрительная память, и внешность этого человека показалась мне знакомой.

Ха! Да это же Вася Патрикеев! В свое время мне приходилось с ним встречаться в Чечне и в других «горячих точках». Он был нормальным журналистом, писал честно (иногда даже излишне честно), нос кверху не задирал, из себя супер-пупер «акулу пера» не изображал. Правда, в последнее время он, по слухам, вроде отошел от журналистики и занялся историей. Во всяком случае, так мне об этом рассказал он сам при нашей с ним последней встрече. Я решил его окликнуть.

Патрикеев тоже обрадовался встрече со мной. Похоже, он был сильно озадачен происходящим и пытался понять, что же такое случилось. По всему выходило, что Сыч оказался прав и нас каким-то образом забросило в прошлое. Патрикеев, как человек, хорошо знающий отечественную историю, даже примерно определил, в какое именно время.

– Игорь, – сказал он, – мы, скорее всего, попали в царствование Екатерины Великой или Павла Петровича… Последний вариант, как мне кажется, более правдоподобен. Эх, было бы чуток светлее, я бы с точностью до года определил, где мы сейчас находимся.

А насчет места – это Литейная часть. Тут рядом должны находиться здания Арсенала, Литейного двора и недавно перестроенной церкви Сергия Радонежского. Слушай, Игорь, а ведь это просто здорово! Я сейчас как раз пишу книгу о событиях, предшествовавших заговору против императора Павла I. Точнее, писал… А теперь, может быть, я увижу все своими глазами…

– Угу, увидишь, – я попытался вернуть Васильича к суровой действительности. – Возьмут здешние держиморды и законопатят нас всех по приказу царя в Петропавловку или в Шлиссельбург. Много ты увидишь из одиночной камеры.

– Надо сделать так, чтобы этого не произошло, – наставительно произнес Патрикеев. – А потому следует каким-то образом выйти на самого императора. И мне, и вам. Твои головорезы в два счета ухайдокают всю эту зубовско-

паленовскую банду.

– А как нам выйти на императора? Взять, да всей толпой, словно ходоки к Ленину, завалиться к нему в Михайловский замок и сказать: встречайте, ваше императорское величество, своих спасителей. Ага, тебя там встретят и проводят – туда, куда Макар телят не гонял…

Неожиданно заработала рация, и один из наблюдателей сообщил, что в нашу сторону движется открытый конный возок, сопровождаемый двумя всадниками. Интересно, кто это может быть?

13 сентября 2018 года.

Санкт-Петербург. Литейный проспект.

Иванов Алексей Алексеевич, частный

предприниматель и любитель военной истории

– Слышь, Леха, а ты точно уверен, что наша уважаемая Татьяна Ивановна ничего не напутала и самолет упал именно там? – спросил меня Димон. – А то ерунда получится – приедем, поныряем, водку для сугрева вылакаем, консервы слопаем и назад порожняком покатим.

– Уверен на все сто процентов, – ответил я, притормозив на светофоре. – Так же, как и в том, что ты редкостный зануда. Который уже раз ты задаешь мне один и тот же вопрос? Тебе что, расписка от меня нужна?

Сидевшая рядом со мной Дашка захихикала. Она с детства знала Димку, и сколько себя помнила, именно так мы с ним все время и общались. Дмитрий Викторович Сапожников – для нее просто дядя Дима – был моим лучшим другом и ее наставником. И учил он ее не светским манерам, а умению обращаться с аквалангом, заряжать баллоны и прочим хитростям водолазного ремесла. Ну и еще кое-чему, чего представительницам прекрасной половины рода человеческого знать не положено.

Срочную Димон служил на флоте. До этого он еще пацаном посещал клуб ДОСААФ, где в наше время можно было абсолютно бесплатно научиться стрелять, прыгать с парашютом и водить машину. Димка же, начитавшись Жюля Верна, решил стать кем-то вроде капитана Немо. Он учился всем хитростям подводного плаванья, причем делал это старательно, что было отмечено и в военкомате. Потому, когда подошло время призыва, его и отправили на Черноморский флот, где все три года службы он занимался привычным для себя делом – «нырни-вынырни».

Потом Димка остался на сверхсрочную – слова «контракт» тогда и в помине не было. Он продолжил службу в 102-м отдельном отряде борьбы с подводными диверсионными силами в Севастополе и дослужился до старшего мичмана.

А потом начался перестроечный бардак, и ему пришлось сделать выбор, под какими знаменами служить дальше – под славным Андреевским флагом или жовто-блакитным прапором. Флаг и гражданство Димон менять не захотел, а в усеченном и реорганизованном постперестроечными «мудрецами» Черноморском флоте ему места не нашлось. Плюнув на все, он подал рапорт на увольнение и, выйдя на гражданку, укатил в родной Питер, где устроился в частную контору, обучавшую премудростям подводного плаванья собиравшихся провести отпуск на пляжах Турции и Египта. Точнее, тех из них, кто имел гроши для того, чтобы оплатить это обучение.

Среди «богатеньких Буратин» оказалось немало любителей экстрима, которые не желали, лежа кверху пузом, загорать на золотистом песочке где-нибудь в Анталье. Нашлось немало и таких, кто предпочитал с аквалангом любоваться красотами Средиземного или Красного моря, а потом демонстрировать своим приятелям удивительные по красоте фотографии экзотических рыб и морского дна.

Я знал Димку еще с детства – мы учились в одной школе, только в параллельных классах. Жил он в соседнем дворе. Более близко мы с ним познакомились уже в зрелом возрасте – я к тому времени уже всерьез занялся бизнесом, а он, после ухода на «гражданку», вернулся из Крыма и подыскивал работу. Мать его к тому времени уже умерла, отец же бросил их сразу после Димкиного рождения. Сам же он семьей так и не обзавелся.

Встретились мы с ним на улице, поговорили о том о сем, вспомнили молодость, школу… Именно я и свел его со знакомым коммерсантом, которому позарез был

нужен профессиональный дайвер. Димка оказался для него именно тем, кого он искал.

Мы стали с ним встречаться, дружить домами. Как я уже говорил, Димка был один-одинешенек. Поэтому он чаще бывал у меня дома, чем я у него. Моя Дашка – тогда она только-только пошла в первый класс, – развесив уши, слушала рассказы дяди Димы об экзотических обитателях морских глубин (а рассказчиком он был, как и все моряки, первоклассным), о затонувших кораблях и пиратских сокровищах. А когда ей стукнуло четырнадцать, она упросила Димона научить ее плавать под водой с аквалангом. И тот ее обучил – на мою седую голову…

Вообще Дашка моя по жизни оказалась какой-то экстремалкой. Не знаю, в кого она такая – я рос вполне нормальным ребенком, жена, если верить теще, тоже в детстве не выделялась из общей массы своих сверстниц. А вот Дашку почему-то все время тянуло на подвиги, связанные с усиленным выделением адреналина, причем у нас с супругой от ее поступков этот самый адреналин выделялся в том же количестве (если не в большем).

Она не бегала на танцы в дискотеки, не обсуждала вместе со своими подругами новости молодежной моды и мальчиков-одноклассников. Удивительно, но Дашку интересовали совсем другие вещи. Достигнув немалых успехов в дайвинге (спасибо тебе, дядя Дима!), она устремилась в небо. Вскоре моя дочь освоила параплан и дельтаплан. Потом ее потянуло на татами, где она заработала какие-то там пояса в айкидо и карате. Какое новое экстремальное увлечение теперь у нее на очереди, мы могли только догадываться. Но явно это было не коллекционирование марок, макраме или вышивка бисером.

Хотя те, кто не знал о Дашкиных увлечениях – а она их особо и не афишировала, – даже не подозревал, что в этой красивой синеглазой и рыжеволосой девице сидит настоящий сорвиголова. Как ни странно, Дашка, в отличие от своих сверстниц, не злоупотребляла косметикой, отрицательно относилась она и к новомодным пирсингам и тату.

«Знаешь, папа, – говорила Дашка, – что мое, то мое. А все эти разноцветные татуировки с русалками на животах, попках и лопатках, кольца в ноздрях и бровях пусть носят те, кто хочет быть похожими на папуаску из племени ням-ням. А я не хочу, чтобы меня принимали за дикарку или засиженную арестантку».

Сегодняшняя же поездка стала настоящим праздником для Дашки. Дело в том, что мы с Димкой узнали от одной старушки, жившей в районе Лемболово, о том, что во время войны наш пикирующий бомбардировщик, подбитый финским истребителем, упал в Лемболовское озеро. Чтобы стало понятно, я поясню – есть у нас с Димоном одно общее увлечение – военная история, а точнее, история Великой Отечественной войны. Ну и, естественно, история боевой техники, на которой били фрицев наши предки.

Была у нас и заветная мечта – найти более-менее сохранившийся образец этой самой техники. Мы с уважением относились к поисковикам, которые каждый сезон поднимали из земли останки воинов Красной Армии, сложивших головы за нашу Родину. Но нам хотелось самим найти что-нибудь связанное с памятью о той войне, причем находка должна была быть такой, чтобы о ней заговорили. Если вы считаете меня и Димку тщеславными эгоистами, Бог вам судья. Но ведь мечта должна быть у каждого человека, не так ли?

Поэтому вполне понятно, что рассказ старушки, которая своими глазами видела падение нашей «пешки» в озеро, нас заинтересовал. В 1943 году Татьяна Ивановна была молоденькой санитаркой в медсанбате, и ей на всю жизнь запомнилось, как финский самолет с голубыми свастиками на крыльях подбил наш двухмоторный бомбардировщик, а выбросившийся с парашютом экипаж расстрелял в воздухе из пулеметов.

– Потом наши на лодке подплыли туда, где он упал, и нашли всех троих, – рассказывала Татьяна Ивановна, – только они уже были мертвые. А место, где все случилось, я хоть сейчас могу показать.

На своей машине я отвез ее на берег озера. Татьяна Ивановна почти сразу нашла место, где находился медсанбат, в котором она служила – теперь там высились трехэтажные дачные коттеджи, – а потом уверенно указала, куда именно упал самолет. Я обвел на карте район будущих поисков и прикинул, что это не так уж далеко от берега. Участок, где могла находиться «пешка», оказался сравнительно небольшим.

Сборы наши были недолги. Мы приготовили все нужное для погружения имущество: компрессор, акваланг, гидрокостюм, металлоискатели, надувную лодку, подвесной мотор к ней, палатку, спальные мешки, запас еды на неделю. Все это мы погрузили в мой четырехдверный грузовичок ЗИЛ «бычок» и уже

собирались тронуться в путь, как вдруг Дашка, пронюхавшая о нашей поисковой экспедиции, прицепилась к нам как репей – возьмите и ее тоже!

Зная, что спорить с ней бесполезно, мы с Димкой, после недолгого совещания, решили, что она нам не помешает, скорее наоборот. Ведь с двумя водолазами шансы найти самолет возрастают вдвое. Так что в нашем багаже появились еще один акваланг и гидрокостюм.

Ну и до кучи пришлось взять с собой моего черного терьера по кличке Джексон. Если мы с Дашкой уедем вместе, то жена, у которой уже побаливали ноги и поясница, просто не справится со здоровенным псом, когда выведет его на прогулку. Собакевич был силы неимоверной и тянул поводок так, что даже я, крепкий мужик, едва его удерживал. Впрочем, Джексон мог нам пригодиться – ведь пока мы будем заниматься погружениями, он станет нашим сторожем. Зная его суровый нрав, можно было гарантировать, что ни один мазурик не сможет незаметно подобраться к нашему лагерю.

Мы решили выехать поутру, чтобы к обеду уже быть на месте. Но у Дашки вдруг неожиданно возникли какие-то проблемы с учебой – она была студенткой 5-го курса Финансово-экономического университета, – и мы смогли отправиться в путь только поздним вечером.

– Ничего страшного, папа, – жизнерадостно заявила Дашка, – приедем на место ночью, поставим палатки, разведем костер, я вам пожарю сосиски на вертеле, перекусим, а потом ляжем спать. Джексон будет охранять нас от диких зверей и диких людей. А поутру займемся делом…

Димка лишь вздохнул, но в спор со своей бывшей подопечной и любимицей вступать не стал. Он вообще не любил спорить с женщинами. Возможно, именно поэтому Димон и остался холостяком. Джексон же, поняв, что ему можно будет вдоволь поноситься на воле, завилял обрубком хвоста и от полноты чувств тявкнул…

Мы ехали по Литейному в сторону Финляндского. Там, у вокзала, нас должен был встретить один мой хороший знакомый, который пообещал передать мне хорошую карту с промерами глубин озера, на дне которого лежал наш бомбардировщик. Но до Финляндского вокзала мы так и не доехали…

Все произошло неожиданно. В глазах у меня потемнело, руль, словно живой, вывернулся из рук, и какая-то неведомая чудовищная сила швырнула мой грузовик в сторону. Он встал на дыбы, будто бык в техасском родео, а потом скатился в огромную черную воронку. Рядом со мной взвизгнула от неожиданности и испуга Дашка, жалобно заскулил Джексон, а сзади витиевато, как умеют только моряки, выругался Димон. Мотор моего «пепелаца» заглох, и на какое-то время я потерял сознание…

Когда я очнулся, то с удивлением обнаружил, что окружающий мир чудесным образом изменился. Во-первых, вместо ранней осени за окном грузовика стояла настоящая зима. Темень была полнейшая, словно в районе отключили электричество и все фонари и рекламные щиты разом потухли. Я не видел ни Литейного моста, ни набережной с гранитными парапетами и спусками, ни Финляндского вокзала. Но меня немного успокоило то, что рядом с нами стояло несколько машин, и одна из них, желтого цвета с надписью «реанимация», отсвечивала мигалкой. «Значит, – подумал я, – случись чего, есть кому оказать нам первую помощь. Но это если она потребуется».

Впрочем, ни мне, ни Дашке помощь не была нужна. Лишь Димон стукнулся лицом обо что-то в кабине, и у него из носа текла кровь. Но с такой травмой обращаться к врачу настоящему мужчине просто стыдно.

Я осторожно приоткрыл дверь. В лицо пахнуло морозным ветром.

– Эй, мужики! – крикнул я в темноту. – Есть кто-нибудь, кто объяснит, что здесь такое происходит?

– Сами ломаем голову, – отозвался кто-то. – Чертовщина какая-то…

Я захлопнул дверь кабины.

– В общем, так – сидим и ждем. Похоже, что произошло нечто странное, чему пока еще не нашли объяснение. Как только обстановка прояснится, будем решать, как нам выбираться из этой катавасии…

– Ой, папа, до чего же все это интересно! – радостно воскликнула Дашка, испуг которой уже прошел, и она снова стала похожей на себя. – Я так люблю приключения! Может, мы попали в Тридевятое царство?! Или нас похитили

инопланетяне?

– Этого нам только не хватало, – проворчал Димка. – Попасть-то мы попали, а как из всего этого теперь выбираться-то будем?

– Папа, а может, мы провалились в прошлое? – спросила Дашка. – Сейчас об этом столько книг написано! Представляешь – мы в Средневековье! Сейчас такое начнется… – и она мечтательно закатила глаза. – Перед нами появится сам князь Александр Невский. Или выскочат викинги в рогатых шлемах.

– Этого не может быть, потому что не может быть никогда, – нравоучительно произнес Димон, держа на переносице испачканный кровью мокрый носовой платок. – Фантастика на втором этаже. К тому же викинги в рогатых шлемах – это бред сивой кобылы. Не было у этих средневековых бандитов с большой дороги рогов – если только их жены не награждали ими непутевых мужей, ушедших со своими конунгами за богатой добычей.

Но, как оказалось, это может быть. И вскоре мы убедились в этом…

13 сентября 2018 года.

Санкт-Петербург. Литейный мост.

Антонов Геннадий Михайлович, врач-реаниматолог

Началось в деревне утро, заорали петухи… Только что мы отвезли в ВМА[3 - Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова.] пациента с проникающим ножевым ранением. История простая, как коровье мычание – два лихих молодца вдрызг разругались в занюханной питерской забегаловке. Одному показалось, что его собутыльник налил себе в стакан на полпальца больше шнапса, чем ему. И, вместо простонародного битья в морду, обделенный схватился за нож. Ну, а дальше, как в песне: «Вжик-вжик-вжик – уноси готовенького…» В общем, в животе у его оппонента откуда-то появилась дырка.

Похоже, у раненого была повреждена печень. Налицо все характерные симптомы: обильное кровотечение из раны, бледность кожных покровов,

потливость, учащенный пульс. Хорошо, что мы вовремя получили заявку.

Подъехали быстро – почти сразу же после ментов. Те уже успели повязать злодея, забить его в наручники и сунуть в «обезьянник». Похоже, что тот испугался не меньше, чем его жертва, и лил слезы по своей свободе, на которую он выйдет, скорее всего, нескоро. Ну, а мы, оказав пациенту на месте первую помощь, повезли его в Военно-медицинскую академию. Там ребята опытные, для них пулевые и колото-резаные ранения – вещь такая же привычная, как аппендицит для гражданских медиков.

Довезли мы мужичка живого, не дали ему по дороге загнуться. Ольга – наш фельдшер – вколола ему антишоковое и поставила капельницу. В ВМА порезанного сразу перекинули на носилках и повезли в хирургию – резать дальше. Если повезет, то выкарабкается. Лишь бы все обошлось без перитонита.

Пока я заполнял документы, Ольга и наш водила Валерий Петрович кое-как привели в порядок салон реанимобиля. С пациента кровушки натекло немало, и внешне салон выглядел так, словно в нем только что зарезали парочку хрюшек. Мы, медики, народ ко всему привычный, но кровушку все же надо затереть. Не ровен час, поскользнешься на луже крови, и тогда тебя самого с переломом или вывихом повезут в травматологию.

В общем, когда мы вывернули с набережной на Литейный мост, настроение у всех нас было изрядно подпорчено. Особенно у Ольги – она печально смотрела на запачканную кровью куртку и тихо бормотала под нос, всуе поминая некие человеческие органы, отличавшие мужчину от лица противоположного пола.

Валерий Петрович, который за свою многолетнюю работу на «скорой» видел много всякого, был спокоен, как море в штиль. Я слыхал, что ему довелось послужить в Чечне санинструктором, где он нагляделся на такое, что людям со слабыми нервами лучше не видеть вообще. Зато с таким водителем я был как за каменной стеной. Он умел не только таскать носилки и крутить баранку. В случае необходимости Петрович мог сделать искусственное дыхание и закрытый массаж сердца. А если попадался буйный пациент (были и такие), он мог значительно «расширить диагноз» драчуну.

– Гена, – сказал он, – давай сгоняем на базу. Ольге надо чистую куртку взять, а я в машине хоть немного приберу. В таком виде нам нельзя на заявки выезжать –

народ перепугаем. Увидев такой натюрморт, к нам никто в салон не сядет. А у роженицы тут же начнутся схватки…

Я кивнул. Пожалуй, так и следует поступить. Сейчас переедем Неву, я доложу по рации диспетчеру и попрошу, чтобы нам пока не давали заявок.

– Гена, – Петрович, похоже, заметил что-то впереди на мосту, нечто такое, что его заинтересовало, – глянь, что там впереди творится…

Я глянул и вздрогнул…

Окружающая нас тьма сгущалась, а наша машина словно погружалась в чернила. Потом у меня неожиданно потемнело в глазах. Я услышал испуганный крик Ольги и чертыхание Петровича. Какая-то неведомая сила приподняла наш реанимобиль, и он стал вращаться вокруг своей оси. На несколько минут я выпал из реальности…

Потом вращение остановилось, и стало немного светлее. Окружающий нас мир изменился. За окном стояла зима, хотя сегодня, когда мы выезжали на линию, на дворе был всего лишь сентябрь. Кроме того, куда-то делись уличные фонари и светящиеся рекламные щиты. Лишь где-то вдали горели факелы, словно во времена Средневековья. Не хватало лишь рыцарей в латах и колымаг угнетенных вилланов.

– Петрович, где мы? – спросил я. – Что случилось?

– А хрен его знает, Гена, – ответил Петрович. – Я не вижу ни моста, ни Финляндского вокзала, ни Большого дома. Правда, впереди стоят какие-то армейские машины. Кажется, «Тигры» – на них спецназовцы обычно рассекают. Кстати, Ольга, как ты там – цела?

– Вроде цела, – дрожащим голосом ответила Ольга. – Руки-ноги на месте. Геннадий Михайлович, что это было? Мы словно провалились в тартарары.

Я задумался. Ситуация мне не нравилась все больше и больше. Интуиция (а она меня редко подводит) подсказывала мне, что мы влипли в какую-то историю. Вот только в какую?

– Надо сходить на разведку, – наконец решил я. – А вы, ребята, накиньте куртки. Да и я утеплюсь. Похоже, что за бортом прохладно. Температура точно минусовая.

– Ты, Гена, там особо не геройствуй, – Петрович пошарил в бардачке и достал оттуда баллончик со слезоточивым газом. – На вот тебе на всякий пожарный. Ну, а ежели увидишь что – беги назад со всех ног. Давай, дружище, с Богом!

Вздохнув, словно перед прыжком в воду, я открыл дверь. В лицо мне пахнуло холодом. Еще раз вздохнув, я вылез из машины и сделал несколько шагов в сторону «Тигров»…

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Император Павел I

Царь и самодержец Российский с самого утра был в плохом настроении. Его раздражало всё – и отвратительная погода, больше похожая на апрельскую, с частыми оттепелями и противными лужами, и застарелая головная боль, и слухи о готовящемся заговоре.

Император решил немного развеяться, и после утреннего вахтпарада он отправился на Охтинский пороховой завод, чтобы посмотреть на строительство новой каменной плотины. Порох был нужен армии и флоту – вполне вероятно, что России в скором времени предстоит воевать с мерзкой и торгашеской Англией, которая нагло забрала Мальту и не желала возвращать ее законному владельцу – ему, императору Павлу I. Да и с Австрией отношения, после их недавнего откровенного предательства в Италии и Швейцарии, были хуже некуда.

Очень жаль, что сейчас рядом с ним нет графа Алексея Андреевича Аракчеева, «преданного без лести» товарища и советчика. Павел вспомнил, как в октябре прошлого года он по пустяковой причине отстранил Аракчеева от должности инспектора артиллерии русской армии и повелел ему покинуть Петербург. Сейчас его старый сослуживец по Гатчине безвылазно сидит в своем имении Грузино и шлет императору письма, в которых уверяет в верности и преданности лично ему, Павлу Петровичу, и всей царственной фамилии.

«Надобно вернуть графа в Петербург, – подумал царь, – не такие уж большие грехи были на нем, чтобы так строго наказывать верного слугу престола. Сегодня же надо послать милостивое письмо Алексею Андреевичу, в котором предложу ему прибыть в столицу».

Павел покосился на сидящего рядом с ним племянника императрицы герцога Евгения Вюртембергского. Этот юноша, которому исполнилось всего тринадцать лет, был уже генерал-майором русской армии. Все эти чины он получил, находясь в своих силезских владениях. Прибыв в январе этого года в Санкт-Петербург, герцог произвел хорошее впечатление на русского монарха, который для начала наградил Евгения крестом ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

Император взял герцога с собой в поездку на пороховой завод, чтобы молодой человек побольше узнал о русской столице и о военном деле. Павлу все больше и больше нравился этот скромный и умный юноша, совсем не похожий на цесаревича Александра и его младшего брата великого князя Константина Павловича.

Император считал своих старших сыновей безнадежно испорченными воспитанием в будуарах их бабки, императрицы Екатерины II. Там молодых людей научили лгать, паясничать и волочиться за придворными дамами. Правда, в отличие от Александра, Константин все же успел понюхать пороха, поучаствовав в Итальянском и Швейцарском походах великого Суворова. А Александр так и остался донжуаном и сибаритом, для которого придворная изнеженная жизнь была дороже интересов государства. Нет, из цесаревича толку не будет, как, впрочем, и из Константина.

Надо будет заняться воспитанием третьего сына – великого князя Николая Павловича. Правда, под воздействием слухов, которые распускали интриганы, в изобилии окружавшие императора, Павел Петрович чуть было не совершил роковую ошибку – он захотел обвинить свою супругу Марию Федоровну в неверности, а сына Николая – признать неродным. Однако нашлись честные и умные слуги престола, которые отговорили императора от столь опрометчивого поступка.

Задумавшись, Павел стал рассеянно смотреть в окно крытого возка. Кортеж императора следовал через Охтинскую слободу – район Санкт-Петербурга, где издавна селился мастеровой народ, работавший на местной судоверфи. Здесь

же стояли дома русских и чухонцев, обывателей, занимавшихся сельским хозяйством. Они поставляли жителям столицы овощи и молочные продукты. Больших зданий здесь не было, и Охтинская слобода меньше всего была похожа на городской район.

Возок и двое сопровождавших императора конногвардейцев не спеша двигались по заснеженным улицам слободы, мимо скромных одноэтажных домиков с невысокими заборами. За ними виднелись деревья и сараи, в которых местные жители держали свою скотину.

Павел вдруг заметил пожилую чухонку, медленно бредущую по улице. Она тянула за собой большие санки. Видимо, старушка отправилась за водой к ближайшему колодцу – на санках стояли два пустых деревянных ведра.

«Пустые ведра – это плохая примета, – подумал император. – Только бы она не перешла нам дорогу». Павел был суеверен. Черная кошка, перебежавшая дорогу, или женщина с пустыми ведрами, попавшаяся на пути, могли надолго испортить ему настроение.

Засмотревшись на скачущий по улице возок и нарядных всадников, чухонка поскользнулась и со всего размаха грохнулась на накатанную дорожку. Видимо, она сильно при этом ударилась, потому что не смогла сразу встать и, лежа на спине, беспомощно размахивала руками.

– Ваше императорское величество, – подал голос герцог Вюртембергский, – давайте поможем этой несчастной.

Павел, считавший себя человеком добрым и чувствительным, кивнул и толкнул в спину царского кучера, велев ему остановиться. Император и герцог выбрались из возка и подбежали к старушке. Они помогли ей встать на ноги.

– Спасибо вам, люди добрые, – чухонка заговорила по-русски неожиданно молодым и звонким голосом. – Пусть Господь за вашу доброту спасет вас от всех бед и невзгод.

– Я вижу, что тебя, – тут старушка пристально посмотрела на императора своими голубыми, как небо, глазами, – ждет смертельная опасность. Люди, которых ты считаешь друзьями, собираются тебя убить. А ведь тебя предупреждали, что

проживешь ты на белом свете сорок шесть лет, а на сорок седьмом будешь убит…

Павел вздрогнул. Странная старуха говорила то, о чем знали немногие. Именно это – слово в слово – напророчила ему известная петербургская юродивая по имени Ксения, а также странная горбатая нищенка в Москве во время коронации. А монах Авель, предсказавший с точностью до дня смерть его матушки, императрицы Екатерины II, при встрече с ним заявил: «Коротко будет царствие твое. На Софрония Иерусалимского[4 - Память святого святителя Софрония патриарха Иерусалимского Православная церковь отмечает 11 (24) марта.] в опочивальне своей будешь задушен злодеями, коих греешь ты на груди своей. Написано бо в Евангелии: “Враги человеку домашние его”… В Страстную субботу погребут тебя… Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех цареубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою…»

– Ради всего святого, скажи, можно ли спастись от того, что мне предначертано судьбой? – с мольбой в голосе спросил император. – Я вижу, что тебе открыто будущее…

– Тебе помогут спастись люди не из этого мира, – немного помолчав, произнесла старая чухонка, глядя прямо в глаза Павлу. – Лишь они в силах избавить тебя от смерти. И не только тебя, но и всю Россию, ибо события, которые начнутся вскоре после твоей смерти, будут страшные и кровавые. Прольется море крови, погибнут сотни тысяч людей. На Россию войной пойдет вся Европа, сгорит Москва, осквернены будут народные святыни, поруганию подвергнутся Божьи храмы.

– Скажи мне, ради Христа, скажи – кто они? Что это за люди? – Павел судорожно вцепился в руку старухи. – А самое главное, кто их мне пришлет, Бог или дьявол?

– Люди, которые тебя спасут, – ровным спокойным голосом произнесла чухонка, – посланы будут в наш мир добрыми силами. Но знай – они не святые. Они просто люди, воины, которые видели смерть и лили свою и чужую кровь. Но ведь еще Господь говорил: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч».

– Аминь, – сказал император, снял с головы треуголку и перекрестился. – Может быть, ты назовешь день, когда я увижу этих людей? И как я отличу их от прочих?

– Ты их увидишь скоро, очень скоро, – ответила старуха, задумчиво пожевав губами, – и узнаешь ты их сразу, потому что они не похожи на тех, кто живет в нашем мире. И хотя они внешне будут как все люди, придут они из другого мира, где давно уже живут по-иному. Ты должен поверить им, как бы странно они ни говорили и ни поступали. Повторяю – им надо поверить, потому что иначе произойдет все то, о чем я тебе рассказала! А теперь, ступай с Богом и не упусти свой шанс. Другого у тебя не будет…

Старуха, кряхтя, поклонилась Павлу, взяла в руки веревку и, шаркая ногами, потащила свои санки по улице.

– Ваше величество, – юный герцог испуганно посмотрел на застывшее, похожее на белую гипсовую маску лицо императора, – что это была за старуха? Что она вам такого сказала, отчего вы едва стоите на ногах?

– Мой мальчик, – ответил Павел, – ты веришь в то, что есть на свете люди, которым открыто будущее?

– Да, ваше величество, я слышал об этом. У нас в Европе часто рассказывают про тех, кто может заглядывать в грядущее. Кстати, моя тетушка – ваша супруга – рассказала мне, что много лет назад садовник Ламберти в Ораниенбауме предсказал вашей матушке – тогда еще просто великой княгине, – что она станет императрицей, увидит своих детей и внуков и умрет в старости. Это было за шесть лет до происшествия, случившегося 28 июня 1762 года[5 - 28 июня 1762 года Екатерина свергла с престола своего мужа – императора Петра III.]. Вы хотите сказать, что и эта старуха из их числа?

– Она предсказала мне, что я… – тут император спохватился и остановился на полуслове. – Давай сядем в возок, что-то мне вдруг стало холодно, просто зуб на зуб не попадает. Похоже, что подул холодный ветер с Невы. Нам надо побыстрее добраться до порохового завода, чтобы успеть засветло вернуться домой…

Но засветло они вернуться не успели. Император и юный герцог тщательно осмотрели все на Пороховых. Генерал-майор Николай Гебенер, заведовавший заводом, показал им места, где перечищали селитру, которая нужна была для

изготовления пороха; мельницы водяные и приводимые в движение лошадьми, на которых огромные каменные и бронзовые жернова перетирали компоненты пороха. Они понаблюдали за тем, как идет строительство каменной плотины – тут император еще раз пожалел, что с ними нет графа Аракчеева – с ним бы все работы шли быстрее. Осмотрели они и готовый порох двух сортов, а также механизмы, приводимые в движение водой, с помощью которых рассверливают стволы чугунных пушек.

Потом император зашел в храм Святого пророка Ильи на Пороховых и долго молился у икон Спаса Нерукотворного и Богородицы. В полной задумчивости император и герцог Вюртембергский уселись в возок и отправились в обратный путь. Чтобы поскорее добраться до Михайловского замка, Павел приказал сократить путь и, перебравшись по льду Невы у Смольного собора, выехать на Шпалерную улицу, по которой они прямиком доедут до Летнего сада. Оттуда же и до новой императорской резиденции рукой подать…

С Охты они выехали, когда уже смеркалось. Вскоре на град Петров опустилась чернильная тьма. Полную луну закрыли облака. На безлюдных улицах было тихо, лишь под полозьями возка поскрипывал снег, позвякивала упряжь, да всхрапывали кони. Неожиданно где-то заунывно, словно по покойнику, завыла собака. Ей ответила другая, потом к ним присоединилась еще одна, и еще…

Павел вздрогнул и перекрестился. Он забормотал молитву. Ему снова и снова вспоминался сегодняшний разговор со странной старухой. Император слышал, что чухонцы – коренные обитатели здешних мест – с давних пор славились своим умением колдовать и ворожить. Не из их ли числа была та старая женщина, которая так смело себя вела с ним и напророчила скорую встречу с его спасителями?

Так, за размышлениями о своей грядущей судьбе, император незаметно доехал до Невы. Возок пересек реку по накатанному санями льду. Подъезжая к Литейному двору и Арсеналу, в свете горящих факелов Павел вдруг заметил странные повозки, перегородившие улицу. У одной из них на крыше вращалось что-то вроде праздничной шутихи. Повозки были похожи на те, в которых путешествуют по белу свету бродячие артисты и музыканты.

«Странно, – удивился император, – ни вчера, ни сегодня мне никто не докладывал о том, что в Петербург прибыла новая театральная труппа. Надо будет завтра утром порасспросить об этом петербургского генерал-губернатора

графа Палена. Только почему эти повозки стоят поперек дороги, и где лошади, которые их привезли?»

Неожиданно одна из повозок взревела, словно разъяренный дикий бык, и окуталась дымом. Потом она сама собой, без чьей-либо помощи, сдвинулась с места и направилась прямиком к царскому возку.

Испуганно заржав, встали на дыбы лошади конвоя. Конногвардейцы не смогли их удержать, и не слушающие узды и шпор кони галопом помчались по улице в сторону Таврического дворца – там с недавних пор размещался эскадрон лейб-гвардии Конного полка.

Яркий свет, похожий на солнечный, неожиданно рассек ночную тьму. Он был такой сильный, что император даже зажмурился. Потом чей-то зычный, словно иерихонская труба, голос произнес странные и непонятные слова:

– Никому не двигаться, работает спецназ ФСБ!

«Какой еще спецназ?! И что такое ФСБ?! – подумал Павел. – И вообще, что происходит здесь, на улице столицы Российской империи? Неужели это и есть они – те самые спасители, о которых говорила мне сегодня старая чухонка?»

В лучах яркого света появились фигуры людей, одетых в чудную пятнистую форму и вооруженных странным оружием. Увидев их, юный герцог побледнел и торопливо начал креститься.

«Да, это точно они, – понял император. – Значит, я спасен, я не умру, и на Россию не обрушатся страшные беды и несчастья! Слава Тебе, Господи! Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя»…

Историческая справка

Коронованный мистик

Современники и потомки единодушно отмечали мистицизм императора Павла I. Действительно, в его жизни от самого рождения до смерти присутствовало

нечто роковое, необъяснимое, невольно наводившее на мысли о вмешательстве в судьбу этого российского императора неких потусторонних сил.

XVIII век был в Европе столетием мистиков. Люди того времени искренне верили в привидения, гадалок и разного рода предсказателей. Шарлатанов, таких, как граф Калиостро, с почетом принимали в великосветских салонах. Ну а готические романы, в большом количестве издававшиеся во второй половине XVIII века, стали любимым чтивом европейцев.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, еще будучи цесаревичем, Павел Петрович верил в рассказы о сверхъестественных силах, о таинственных приключениях, о семейных проклятиях и о призраках и привидениях. На внутренний мир цесаревича во многом повлияла и трагическая судьба отца – императора Петра III, свергнутого с престола его матерью и убитого пьяными гвардейцами в Ропше. Страсти в семействе Павла были поистине шекспировские, поэтому неудивительно, что современники называли его русским Гамлетом, а в царствование Павла I постановка этой драмы Шекспира в России была запрещена.

Одним из самых известных мистических эпизодов, связанных с Павлом Петровичем, был рассказ о его встрече с призраком императора Петра Великого. Наиболее распространенной является версия, которую зафиксировал в своих записках великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов. Вот рассказ об этой встрече, напечатанный в журнале «Русская старина».

«Однажды вечером или, пожалуй, уже ночью я, в сопровождении Куракина и двух слуг, шел по петербургским улицам. При повороте в одну из улиц, я вдруг увидел в глубине подъезда высокую худую фигуру, завернутую в плащ вроде испанского, и в военной, надвинутой на глаза шляпе.

Только что я миновал ее, она вышла и пошла около меня с левой стороны, не говоря ни слова. Мне казалось, что ноги ее, ступая по плитам тротуара, производили странный звук, как будто камень ударяется о камень. Я был изумлен, и охватившее меня чувство стало еще сильнее, когда я ощутил ледяной холод в моем левом боку, со стороны незнакомца. Я вздрогнул.

Вдруг из-под плаща, закрывавшего рот таинственного незнакомца, раздался глухой и грустный голос:

– Павел! Бедный Павел! Бедный Павел!

Я обратился к Куракину, который тоже остановился.

– Слышите? – спросил я его.

– Ничего не слышу, – отвечал тот, – решительно ничего.

Я сделал отчаянное усилие над собой и спросил незнакомца: кто он и что ему нужно?

– Кто я? Бедный Павел! Я тот, кто принимает участие в твоей судьбе и кто хочет, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты недолго останешься в нем. Живи по законам справедливости, и конец твой будет спокоен. Бойся укора совести: для благородной души нет более чувствительного наказания.

Наконец мы пришли к большой площади… Фигура пошла прямо к одному, как бы заранее отмеченному месту, где в то время возвышался монумент Петру Великому. Я, конечно, следовал за ней и затем остановился.

– Прощай, Павел! – сказала она. – Ты еще увидишь меня опять здесь и еще кое-где.

При этом шляпа фигуры поднялась как бы сама собой, и глазам моим представился орлиный взор, смуглый лоб и строгая улыбка моего прадеда Петра Великого. Когда я пришел в себя от страха и удивления, его уже не было».

Накануне смерти императрицы Екатерины II цесаревичу Павлу Петровичу приснился странный сон – какая-то неведомая сила подхватила его и потащила наверх. Проснувшись утром, он рассказал об этом сне супруге – великой княгине Марии Федоровне. А вскоре курьер, примчавшийся на взмыленном коне из Петербурга, принес Павлу страшную весть – мать его при смерти, а цесаревич вот-вот станет императором.

Взойдя на престол, Павел решил сменить место жительства. Зимний дворец – резиденция российских самодержцев – ему не нравился. Здесь все напоминало

ему о матери и о ее наглых фаворитах, которые не считались с цесаревичем и всячески его третировали. Он решил построить замок-дворец, неприступный для врагов. Место для строительства император выбрал на берегу Фонтанки, там, где когда-то стоял деревянный Зимний дворец императрицы Елизаветы Петровны. В этом дворце тогда еще великая княгиня Екатерина Алексеевна и родила Павла. «Я хочу умереть там, где родился», – сказал император. Именно так оно и случилось.

Замок-дворец назвали Михайловским, в честь архангела Михаила, предводителя небесного воинства. Строительство его тоже было связано с различными таинственными происшествиями.

Рассказывали, что, когда работы над фундаментом новой царской резиденции было в полном разгаре, с Павлом встретился старый монах, заявивший, что супруга императора вскоре родит сына, которого следует назвать Михаилом. «И запомни слова мои – произнес монах, – дому твоему подобает святыня Господня в долготу дней».

Павел, пораженный предсказанием странного инока, велел архитектору Винченцо Бренна укрепить на фронтоне главного фасада замка-дворца слова, продиктованные ему монахом.

Кстати, с этим текстом связано еще одно предсказание. Накануне Рождества 1800 года знаменитая юродивая со Смоленского кладбища Ксения Петербургская предсказала, что император Павел I проживет столько лет, сколько букв в изречении на главном фасаде новой царской резиденции. Букв, по тогдашней орфографии, было 47. Павел родился в 1754 году. Сорок семь ему должно было исполниться в 1801 году.

Впрочем, сам Павел и так уже знал о времени и месте своей смерти. Он имел беседу с неким монахом Авелем, который предсказал дату смерти императрицы Екатерины II. За это его посадили в тюрьму. Но после смерти императрицы, случившейся в предсказанный Авелем день, его выпустили. Император долго беседовал с предсказателем. Тот сообщил Павлу дату его насильственной смерти и место – царская спальня. Авелю даже было известно, что в заговоре против российского самодержца примут участие его близкие. Ко всему прочему, Авель напророчествовал императору и про его сына, императора Александра I. «Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но невмоготу станет ему скорбь тайная, и тяжек покажется ему

венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы, и праведным будет на очах Божиих…»

«А кто наследует императору Александру?» – спросил у монаха Павел. «Сын твой Николай», – ответствовал Авель. «Как? У Александра не будет сына? Но ведь тогда трон должен перейти к цесаревичу Константину, младшему брату Александра». – «Константин царствовать не восхощет, памятуя судьбу твою, и от мора кончину примет. Начало же правления сына твоего Николая дракою, бунтом вольтерьянским зачнется…»

Примерно то же самое предсказала Павлу и так называемая останкинская старуха. В подмосковном селе Останкино, там, где находилась усадьба графов Шереметевых, по преданию жила мрачная старуха-нищенка. Она появлялась неизвестно откуда и пророчила встреченным ею людям разные несчастья. В 1797 году Павел прибыл в Москву на коронацию. Он посетил усадьбу Шереметевых и неожиданно столкнулся с той старухой. Слуги графа хотели было удалить нищенку, но император воспротивился этому и долго беседовал с ней. После чего тихо произнес: «Теперь я знаю, когда буду убит…»

Новый царский дворец строился в страшной спешке. Семья императора и дворцовая прислуга переехали в него 1 февраля, в день Святого архангела Михаила. В 9 часов 45 минут утра Павел I, вместе с членами своей семьи и свитой, начал церемониальное шествие от Зимнего дворца по направлению к замку. На всем пути его следования были расставлены гвардейские полки. Внутри еще царила сырость, а по окрашенным красной краской стенам стекали потоки воды. «Словно кровь течет», – сказал Павел, наблюдая за замысловатыми разводами на стенах замка.

Зеркала в залах стояли запотевшие, и изображения в них были искаженными. «Посмотрите, – произнес Павел, указав на одно из них, – какое странное зеркало. В нем я вижу себя словно со свернутой набок шеей». А накануне убийства Павлу приснился сон, будто на него надевают тесную рубаху, которая мешает ему дышать.

Как известно, Павел I был задушен заговорщиками в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. В своей новой резиденции он прожил всего сорок дней…

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович,

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу

и Ленинградской области «Град»

Встреча с нашими предками из XIX века прошла, можно сказать, на высшем уровне, хотя и не без некоторого экстрима. Дело в том, что я решил подъехать на «Тигре» немного поближе к приближающейся к нам кавалькаде. Лошади двух всадников, скакавших впереди крытого возка, испугались рева двигателя и от неожиданности встали на дыбы. Кавалеристы сумели удержаться в седлах, но обезумевшие от страха кони пустились наутек.

– Если мы попали во времена царствования императора Павла I, – задумчиво сказал Патрикеев, – то эти орлы, наверное, поскакали в Таврический дворец. Судя по форме, они из лейб-гвардии Конного полка. Именно его Павел I, придя к власти, разместил во дворце, принадлежавшем когда-то светлейшему князю Григорию Потемкину. Император, не переносивший на дух покорителя Тавриды, приказал называть дворец просто Замком. Ценности, причем немалые – в их числе были и знаменитые часы «Павлин» – из дворца были вывезены. Наборные паркеты выломали и использовали при строительстве Михайловского замка. В Зимнем саду устроили конюшню, в Екатерининском и Купольном залах – Манеж, в других помещениях – казармы. За четыре года бравые конногвардейцы изрядно загадили дворец. Полы прогнили, по стенам пошла плесень, а залы провоняли конской мочой и навозом.

– А кто командовал конногвардейцами при императоре Павле I? – спросил я.

– Командовал Конным лейб-гвардии полком в 1797 году барон фон дер Пален – тот самый, который фактически возглавил заговор против императора. Перед убийством же Павла I командиром конногвардейцев стал генерал Александр Петрович Тормасов. Во время войны 1812 года он командовал 3-й русской армией. Император Павел I весьма ценил его за личную преданность.

– Кстати, – воскликнул Патрикеев, – кто-то выбрался из возка! Давайте подойдем поближе и попытаемся установить первый контакт с хроноаборигенами…

Сыч, ничего лучше не придумав, взял микрофон и через ГУ грозным голосом предупредил тех, кто вылез из возка, что «работает спецназ ФСБ», и что все должны вести себя соответственно. Интересно, кто-нибудь из здешних обитателей понял, что такое «спецназ» и с чем его едят? Про ФСБ я уже молчу. Уместней, наверное, было бы крикнуть что-то вроде: «Слово и дело!»

– Контакт контактом, – проворчал я, – но как бы наши предки сдуру не пальнули по нам.

Мне совсем не хотелось получить увесистую свинцовую пулю в грудь, пусть и из кремневого пистолета. А я ведь даже не успел надеть СИБЗ[6 - Средства индивидуальной бронезащиты.] – проще говоря, броник.

– Пан, прикажи своим орлам, чтобы они нас подстраховали, – сказал я подполковнику Баринову. – Мы с Васильичем пойдем навстречу здешнему начальству. Ведь с конвоем и на позолоченном возке не разъезжают простые смертные. Глядишь, нам повезет, и мы познакомимся с теми, кто сможет помочь нам установить контакт с самим Павлом Петровичем.

Стараясь держаться уверенно, мы с Патрикеевым не спеша двинулись к людям, стоявшим у открытого возка и таращившим на нас глаза. Их, похоже, ослепили яркие фары нашего «Тигра». Один из них был пацаном в военной форме, на вид лет четырнадцать-пятнадцать, откровенно напуганным и непроизвольно прижимавшимся ко второму человеку, который выглядел несколько поувереннее. Он с изумлением смотрел на нас и что-то бормотал под нос – похоже, читал какую-то молитву.

Вася Патрикеев неожиданно споткнулся, охнул и схватил меня за рукав камуфляжки.

– Викторыч, а ведь этот сам государь-император Павел Петрович. Ну, точно он! Вот уж нам повезло так повезло!

Я изумленно уставился на императора. Портреты его я не раз видел в книгах и учебниках по российской истории. Но большинство из них были скорее не портретами, а карикатурами, изображавшими царя полоумным дебилом, который не мог спать спокойно, не сослав кого-нибудь в Сибирь или куда

подальше.

Передо мной же стоял мужчина лет сорока-пятидесяти, среднего роста, с бледным курносым лицом. Он был одет в поношенный зеленый суконный мундир с красным воротником и с двумя большими орденами на груди, белые суконные штаны, которые я бы назвал бриджами (здесь же их именовали панталонами). На плечи царя был наброшен длинный шерстяной плащ. Обут император был в высокие сапоги-ботфорты. На голове с напудренными волосами и небольшой косицей сзади, немного набекрень, была надета треуголка.

– Господа, – немного хриплым голосом произнес император, – если я не ошибаюсь, вы прибыли в наш мир издалека? Меня сегодня предупредили о том, что вы придете и спасете меня и Россию от страшных бед… Не так ли, господа?

Мы с Патрикеевым изумленно переглянулись. Вот так-так! Оказывается, кто-то уже успел подсуетиться и перебросил нас в Петербург начала XIX века, чтобы выручать царя и империю! Знать бы, кто так гнусно над нами пошутил – быть его роже битой! С другой стороны, это даже хорошо, что Павел предупрежден о нашем прибытии. Теперь с ним легче будет вести серьезный разговор…

– Ваше императорское величество, – вступил в разговор Патрикеев, – а какой сейчас год и месяц?

– Сегодня первое марта 1801 года, – удивленно произнес император. – А что, господа, это так важно?

– Слава богу! – обрадованно воскликнул Васильич. – Мы не опоздали! Думаю, что теперь уже не случится то страшное, что ожидало, государь, вас лично и всю Россию!

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Император Павел I

«А лица у них такие же, как и у нас, – подумал про себя император, – обычные, человеческие. Один пожилой, с короткой седой бородкой, он, пожалуй, будет

постарше меня. А второй – лицо его чисто выбрито, – тот чуть меня помоложе. Одежда у них, конечно, не похожа на ту, которую носят у нас. Военный мундир у того, который помоложе, безобразен до неприличия. Он больше похож на одежду простых мужиков или мастеровых – в нем нет положенного военному мундиру изящества и красоты. В то же время чувствуется, что он – старый солдат, успевший повоевать и понюхать пороху. Он держится безо всякого подобострастия – видимо, этот вояка умеет отдавать приказы и требовать их выполнения. Оружие у него тоже странное, не схожее ни с пистолетом, ни с мушкетом. Интересно – что это за люди, и откуда они пришли в наш мир?»

– Господа, теперь вы знаете, какое сегодня число и год, – произнес Павел. – К тому же вы знаете, кто я. Теперь же и я имею право спросить вас, кто вы и как вас зовут?

– Ваше императорское величество, – ответил тот, который постарше, с седой бородкой, – мы ваши потомки. И попали в ваш мир прямиком из 2018 года. Как и почему это произошло, мы и сами не знаем. Можно лишь догадаться, что сделала все это некая высшая сила, – при этих словах император побледнел, снял шляпу и перекрестился, – которая и забросила нас в 1801 год. Мы видим в этом божественное провидение – против вас, государь, организован заговор, в нашем времени закончившийся вашим убийством. Похоже, что ваш ангел-хранитель решил вас спасти…

– Значит, граф Пален говорил мне чистую правду! – воскликнул император. – Я догадываюсь, что многие мои подданные недовольны моим правлением. Но заговор и цареубийство! Как это все ужасно! Скажите, вы знаете, как все произойдет?

– Простите, государь, но, к большому сожалению, это не первый заговор в вашем семействе за последнюю сотню лет. Разве ваш отец, император Петр Федорович, не пал жертвой заговора, который организовала против него ваша матушка, императрица Екатерина Алексеевна? Она свергла его, а потом верные ей гвардейцы злодейски убили императора в Ропше.

К сожалению, государь, против вас плетут козни не только ваши враги, но и близкие вам люди – в заговоре участвует и ваш сын, цесаревич Александр Павлович.

– Боже мой! – воскликнул император. – Мне докладывали об этом, но я не поверил, что мой сын поднимет на меня руку! Господа, а вы не ошибаетесь? Может быть, мой наследник не причастен к заговору?

– Нет, ваше императорское величество, – с печалью в голосе ответил седобородый. – Все произошло именно так, как мы вам только что рассказали. Самым же главным злодеем во всей этой гнусной истории окажется граф Пален. Именно он, сумев втереться к вам в доверие, сделает так, что в самый решительный момент никто из тех, кто в ту роковую ночь будет находиться в Михайловском замке, не сможет прийти к вам на помощь.

– Извините, ваше императорское величество, – неожиданно произнес военный, – мне только что сообщили, что по Шпалерной в нашу сторону движется десятка два всадников в полном вооружении. Настроены они весьма решительно – даже кирасы надели, – тут военный почему-то улыбнулся.

Я немного удивился – незаметно было, чтобы кто-либо подходил к моему собеседнику и что-либо ему сообщал. Но я решил спросить его об этом позднее.

– Государь, – произнес седобородый, – мы так вам и не представились. Меня зовут Василием Патрикеевым, я пенсионер и историк-любитель. Наверное, высшая сила, забросившая нас сюда, не случайно остановилась на моей кандидатуре. Дело в том, что в последнее время я работал над историей вашего правления. И потому я знаю то, что должно произойти с вами в самом ближайшем времени.

А мой спутник – Игорь Михайлов – подполковник из спецотряда «Град». Сейчас у нас просто нет времени рассказать вам о том, что это за подразделение, но я прошу поверить мне на слово, что находящиеся в его подчинении воины входят в число лучших в нашей армии. Да и в вашей, пожалуй, тоже.

Что же касается скачущих к нам конногвардейцев, то их надо остановить, пока дело не дошло до стрельбы. Ведь тогда бойцам господина подполковника придется открыть ответный огонь. Кстати, государь, хочу заметить, что хотя в заговоре против вас приняли участие офицеры многих гвардейских полков, ни одного конногвардейца среди них не оказалось. Они остались верны вашему величеству.

– Вот, значит, как? – император кивнул и повернулся в сторону уже отчетливо слышимого конского топота. – Думаю, что сюда скачет полковник Саблуков. Этот молодой человек всем обязан мне – еще пять лет назад он был поручиком. Полковник исполнителен и точен. Именно такой офицер мне и нужен сейчас. Ведь необходимо сохранить тайну вашего появления в нашем мире и спрятать вас на время от любопытных глаз. Я могу поручиться за Саблукова – он без рассуждения выполнит все, что я ему прикажу.

Ага, я вижу, что это действительно он – вон, скачет впереди всех, размахивая палашом! Видимо, ему не терпится повоевать. Что ж, надо его остановить, пока не случилось беды.

Император шагнул вперед, навстречу всадникам на огромных конях, мчавшимся в отчаянную атаку на странные самодвижущиеся фургоны и солдат в невиданных ранее пятнистых мундирах.

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Иванов Алексей Алексеевич, частный

предприниматель и любитель военной истории

Смех смехом, но, похоже, Дашка оказалась права. Наш «бычок» какая-то неведомая сила закинула в места, на Питер XXI века совсем не похожие. Вряд ли это было будущее – по моему скромному разумению, улицы большого города не должны выглядеть такими пустынными. Это, конечно, если в будущем не разразилась Третья мировая война с применением оружия массового поражения. Как в фильме «Кин-дза-дза», когда дядя Вова и Скрипач очутились на планете Плюк. Я машинально пошарил по карманам, ища коробок со спичками.

Правда, не все оказалось так плохо. Мы оказались в прошлом – а я согласился с Дашкой, что это именно прошлое, а не будущее – не одни. С нами были три машины с вояками и «скорая». То есть в случае чего нас есть кому защитить и оказать первую медицинскую помощь. Да мы и сами с усами, а Джексон и я – с бородами в придачу. Только у меня она седая, а у Джексона – черная.

Кстати, а не сходить ли мне на разведку? Я прикинул, кого взять с собой. У Димона пока еще не унялось кровотечение из носа, и его, пожалуй, надо на какое-то время оставить в покое. Дашку мне брать не хотелось – хорошо зная ее неугомонный характер, за ней нужен глаз да глаз. Эта егоза обязательно найдет на свою задницу какое-нибудь приключение. Остается только Джексон. Черный терьер – порода серьезная. А если пес прошел не только ОКД, но и курс ЗКС[7 - ОКД – общий курс дрессировки; ЗКС – защитно-караульная служба.], то с таким зверем я бы никому не советовал связываться. Чревато, знаете ли… А наш Джексон соответствующее обучение прошел, и кусался он сильно и больно.

– Так, голуби мои ясные, – сказал я Димону и Дашке. – Слушайте меня внимательно. Будете сидеть тихо в машине, всех впускать, никого не выпускать. В случае сопротивления открывать огонь на поражение. В общем, я сбегаю на разведку. Со мной идет Джексон. Дашка, дай мне поводок и намордник.

Не обращая внимания на возмущенный галдеж Димона и Дашки, я надел намордник на пса, пристегнул поводок к его ошейнику и снова открыл дверь. Джексон выскользнул из кабины, и я шагнул вслед за ним.

Было прохладно, мел ветер, где-то неподалеку лаяли собаки. Джексон рванул поводок, да так сильно, что я едва устоял на ногах.

– А это еще что за собака Баскервилей? – раздался рядом со мной мужской голос.

Я обернулся. Рядом со «скорой» стоял высокий парень лет тридцати, в теплой куртке, наброшенной на светло-зеленый костюм медика. Похоже, что он вылез из «скорой» и так же, как и я, безуспешно пытался разобраться во всем происходящем.

– Это Джексон, – ответил я, – животное воспитанное и вежливое. Зазря не кусается. Джексон, смотри – перед тобой человек самой гуманной профессии, а потому не вздумай попробовать его на вкус.

Джексон удивленно посмотрел на меня, дескать, хозяин, неужели ты так плохо обо мне думаешь? Да где ж это видано, чтобы я кого-нибудь кусал просто так, без надобности?

– Меня Геннадием зовут, если что, – представился медик и протянул мне руку. – Ехали мы по Литейному мосту, а тут вдруг такое началось…

– А меня зовут Алексеем, – ответил я, пожимая его ладонь. – Мы вот тоже голову ломаем и все никак не можем понять, что, собственно, произошло. Дочка, та вообще заявляет, что мы в прошлое перенеслись. Она у меня любительница книг про попаданцев. Все время мечтала попасть во времена Петра I или Екатерины II. Похоже, что домечталась… А что ты, Геннадий, думаешь обо всем этом?

– Хрен его знает, – парень пожал плечами. – Надо будет у вояк спросить, похоже, что у них информации побольше, чем у нас. Одно скажу – мне все эти путешествия во времени и даром не нужны. У меня и своих приключений больше чем достаточно.

– Да все понятно, только тот, кто нас в ту воронку чертову затащил, считает по-другому. Если окажется, что мы в прошлое попали… Слушай, Гена, наверное, нам надо вместе держаться? И с военными, как ты правильно считаешь, надо переговорить. Может быть, они лучше разбираются в обстановке?

Первый же встретившийся нам вояка – судя по звездочкам на погонах, старший лейтенант – лишь пожал плечами и посоветовал обратиться к начальству.

– Вон, видите, – махнул он рукой в сторону одного из «Тигров», – там два подполковника стоят и один мужик в штатском. Кто этот штатский, я не знаю, а вот тот подполковник, что чуть пониже – старший у нас, подполковник Михайлов. А рядом с ним – наш непосредственный начальник, подполковник Баринов. Может быть, они вам чего скажут…

Тут старлей, услышав, что ему передали по рации, насторожился.

– Сюда возок едет, – сказал он, – а с ним какие-то всадники. Вы бы, ребята, свалили бы куда-нибудь от греха подальше. Может стрельба начаться, и тогда вам мало не покажется. Мы все же с оружием, и броники с касками у нас есть. А у вас что – курточки на рыбьем меху, а из оружия – хорошо, если газовик или баллончик.

Мы с Геннадием переглянулись. Старлей, похоже, был прав. Надо срочно предупредить Дашку с Димоном, чтобы они сидели тихо, как мышки под

веником. Особенно Дашка, ее хлебом не корми – дай погеройствовать.

Кивнув старлею и переглянувшись с медиком, я быстрыми шагами направился в сторону моего грузовичка. Вдруг где-то неподалеку вспыхнул яркий свет, раздались храп и ржание коней, а в ГУ кто-то громко рявкнул: «Никому не двигаться, работает спецназ ФСБ!»

«Ого, – подумал я, – значит, это градусники[8 - Шутливое прозвище бойцов питерского спецотряда «Град».]. Ребята серьезные, в случае чего они могут кому угодно надрать задницу. Интересно, с кем они сцепились?»

Я чуть замешкался, а затем осторожно направился к «Тигру», рядом с которым, как мне сообщил старлей, находилось фээсбэшное начальство. Там происходила какая-то непонятная движуха. В свете яркой фары-искателя я увидел, как подполковник и человек в штатском подошли к нарядному открытому возку, запряженному четверкой лошадей. Из возка выбрались двое, одетых в старинную одежду – такую я видел на актерах, которые снимались в фильме про гардемаринов.

«Приехали, – обреченно подумал я. – Значит, Дашка права, и мы в самом деле оказались в прошлом. Интересно, кто сейчас тут у них самый главный – Елизавета, Екатерина или Павел? Пойду, порадую Димона и Дашку. То-то им будет весело…»

Я вопросительно посмотрел на Джексона, а он на меня.

– Ну, что ж, дружище, – сказал я псу, – придется нам с тобой привыкать к новой жизни. Тебе-то хорошо – все будут считать тебя иностранцем, ведь такой породы, как черный терьер, еще и на свете-то нет. А мне-то как быть? Впрочем, где наша не пропадала! Думаю, что и при царях мы на что-нибудь да сгодимся…

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович,

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу

и Ленинградской области «Град»

Сражения моих ребят с конногвардейцами в стиле Аустерлица или Ватерлоо так и не произошло. Павел на раз-два остановил лихую атаку своих гвардейцев. Для этого ему было достаточно повелительно махнуть рукой, и всадники подняли своих коней на дыбы. А скакавший впереди всех полковник Саблуков, спешившись, подбежал к царю и пал перед ним на колени.

– Ваше императорское величество! – воскликнул он. – Какое счастье, что вы целы и невредимы! Мне тут такое порассказали! Бездельники с перепугу бросили вас одного на дороге и, словно зайцы, помчались за подмогой! Я прикажу примерно наказать этих трусов!

– Успокойтесь, полковник, – император подошел к Саблукову и положил ему руку на плечо. – Ничего страшного не случилось. Просто их кони перепугались рева механизмов, установленных в повозках моих друзей, приехавших в Петербург издалека.

Саблуков встал с колен и подозрительно покосился на нас и на наши машины.

– Ваше императорское величество, – сказал он, – сказать по правде, то для меня тоже несколько странно все это. Но ежели вы, государь, считаете, что вашей жизни ничего не угрожает, то так тому и быть. Приказывайте, как нам поступить – вернуться назад или сопровождать вас вместе с вашими друзьями до Михайловского замка?

Павел обернулся и вопросительно посмотрел на нас.

– Ваше императорское величество, – вступил в разговор Васильич, – было бы неплохо, чтобы господин полковник со своими конногвардейцами проводил бы вас до замка. Кстати, Николай Александрович, – тут Патрикеев внимательно посмотрел на Саблукова, – если мне не изменяет память, назначен со своим эскадроном на 11 марта в караул в Михайловский замок. Может быть, есть резон оставить конногвардейцев нести в вашей резиденции постоянную караульную службу?

Павел задумался. С одной стороны, для царя было весьма неприятно, что некто, чей чин и титул настолько незначителен, что в обычное время его бы просто не

подпустили к императору, дает советы ему – самодержцу и правителю огромной империи. С другой стороны, Павлу вспомнился сегодняшний разговор со старой чухонкой, ее предупреждения о готовящемся заговоре и только что услышанное от этих, невесть как явившихся из далекого будущего, людей о случившемся в их истории цареубийстве.

Нет, смерти Павел не боялся – он, как и все христиане, помнил, что с той поры, как Ева с Адамом в райских садах вкусили запретный плод, люди стали смертными. Рано или поздно они предстанут перед Господом и отчитаются обо всех своих делах земных и о грехах, совершенных по злому умыслу или неведению. Император больше беспокоился о стране, полученной им по воле Божьей, и обо всем, что может произойти в ней из-за его упрямства и самонадеянности.

– Хорошо, – решил наконец император. – Пусть полковник со своими людьми сопровождает нас. Только где мне разместить, господа, вас и ваши чудесные повозки? В сам Михайловский замок вас вести не стоит. Туда ежедневно приходит множество людей: министров, чиновников, среди которых многим бы вообще не стоило знать о вашем появлении в Санкт-Петербурге.

О, я, кажется, придумал! Скажите, господин подполковник, – Павел повернулся ко мне, – ваши люди не очень изнежены, и могут ли они какое-то время расположиться биваком, по-солдатски?

Мне вдруг стало смешно. Эх, знал бы царь-батюшка – как моим орлам порой приходилось ночевать под открытым небом, сутками питаться сухпаем и обходиться минимумом удобств.

– Ваше императорское величество, – произнес я, стараясь выглядеть лихо и браво, как и положено старому солдату, которому сам черт не брат. – Мои люди будут нести службу, невзирая на любые тяготы и лишения. А где вы хотите нас разместить?

– Вы знаете, где находится Экзерциргауз? – спросил у меня Павел. Заметив на моем лице недоумение, он повернулся к Патрикееву, который, видимо поняв, о чем идет речь, встрепенулся и кивнул, словно соглашаясь с императором.

– Ваше императорское величество, – ответил Васильич, – если я вас правильно понял, то речь идет о Манеже и конюшнях, которые в прошлом году построил архитектор Винченцо Бренна? Это те, что в двух шагах от Михайловского замка? Рядом с ними еще две кордегардии.

Я вспомнил – Павел трудновыговариваемым словом «Экзерциргауз» назвал то, что у нас носит название Зимний стадион. Действительно, место для нашего размещения весьма удачное. Помещения там большие, вся наша техника поместится в огромных залах Манежа без особого труда. А если у входа выставить крепкие караулы, то никто посторонний в стадион, пардон, Манеж и конюшни пробраться не сможет.

Павел, кивнув Патрикееву, продолжал вопросительно смотреть на меня. На лице его появилась усмешка. Похоже, что его позабавило мое невежество и незнание города, в котором я жил и нес службу.

– Да, государь, я вспомнил – и в самом деле лучшего места для нас и нашей техники трудно найти. Только надо как можно быстрее перебросить ее туда – я уверен, что обо всем, что произошло здесь, уже утром будет знать весь Петербург. В том числе и те, кому об этом знать не следовало бы.

– Господа, думаю, что вы правы, – кивнул император. – Давайте решим – как нам лучше добраться до Михайловского замка, и тронемся в путь.

– Ваше императорское величество, – Васильич подошел к царю и наклонился к его уху, – было бы неплохо, если бы вы прошли вместе со мной к нашим машинам и осмотрели их. К тому же не все те, кто попал в ваше время из будущего, военные. Надо бы узнать, что они за люди, и согласны ли они выполнять приказы Игоря Викторовича. Ну и ваши приказы, соответственно…

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург

Патрикеев Василий Васильевич,

журналист и историк

С ума можно сойти! Расскажи мне кто-нибудь о том, что со мной случилось полчаса назад – ни в жизнь не поверил бы! Но факт остается фактом – я нахожусь в XIX веке, и рядом со мной по скрипящему под ногами свежевыпавшему снегу шагает император Павел I – собственной персоной.

Я не удержался и тихонько ущипнул себя за руку – может быть, я сплю, и все это мне снится? Ой, больно! Наверное, и синяк будет… Значит, это не сон, а реальность. Я и в самом деле угодил в прошлое.

Доводилось мне слышать разные страшилки про кровавый камень, лежащий на дне Невы у опор Литейного моста. Дескать, нечисть, прячущаяся в этом месте, время от времени чудит, закидывая прохожих неизвестно куда. Похоже, что я и Игорь Михайлов со товарищи оказались в 1801 году из-за происков этой самой нечисти.

– Государь, – спросил я у императора, – вы говорили, что вас предупредили о нашем появлении. А кто именно предупредил?

Павел покосился на меня, словно раздумывая, ответить ли мне на мой вопрос. Подумав немного, он произнес:

– Господин Патрикеев, сегодня на Охте мне встретилась странная старуха-чухонка. Видимо, она из тех, кто, подобно многим своим соплеменницам, сохранил способность заглядывать в будущее. Именно она и рассказала, что мне предстоит встреча с удивительными людьми, которым суждено спасти меня от смерти, а нашу страну – от страшных бед, которые обрушатся на бедную Россию после моей кончины. А вам не приходилось встречать таких предсказательниц?

Я задумался. Честно говоря, будучи человеком здравомыслящим, я не верил в разного рода столоверчение, снятие порчи и правку кармы. Хотя были в моей жизни случаи, которые с материалистической точки зрения трудно объяснить.

– Видите ли, государь, – ответил я, – ничего подобного со мной ранее не случалось, хотя за свою жизнь мне довелось многое повидать. Но, как говорится в послании апостола Павла римлянам: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» — При этих словах император снял треуголку и перекрестился, и я тоже последовал его примеру.

– Я вижу, господин Патрикеев, что вы человек православный, – кивнул Павел. – Это похвально. Значит, вы посланы в наш мир Господом нашим, подобно архангелу Гавриилу, сообщившему праведному старцу Захарии о рождении долгожданного сына, Иоанна Крестителя. Как я понял, вы далеко не архангелы, а воины. Хотя… – тут император резко остановился, – я вижу среди вас истинно ангельское лицо.

Павел указал взглядом на женскую фигуру, стоявшую рядом с «Тигром». Симпатичная голубоглазая девушка лет двадцати о чем-то разговаривала с мужчиной в штатском, причем беседа их была далеко не мирной. Рядом с ними сидела, высунув язык, большая черная собака.

– Дашка, – возмущался мужчина, – я же велел тебе сидеть в кабине и не вылезать оттуда. У тебя что, шило в заднице? Какого рожна ты вылезла из машины и шляешься тут?

– Ну, папа, – девица обиженно надула губки, – почему я должна сидеть, словно арестованная? Мне тоже хочется увидеть все, что тут происходит… Говорят, что где-то здесь должен быть царь. Представляешь, папа, живой царь! Интересно, какой он? Вот бы на него взглянуть хотя бы одним глазком…

– Можете взглянуть на меня двумя глазами, мадемуазель, – Павел галантно поклонился девице. – Желание такого прекрасного создания, как вы, для меня закон.

Девица ойкнула от неожиданности и спряталась за спину отца. Мужчина же почтительно склонил голову и представился:

– Иванов Алексей Алексеевич, предприниматель. – Потом, немного подумав, добавил: – Капитан запаса. А это, – он вытолкнул из-за спины смущенную девицу, – моя непутевая дочь, Дарья.

Сидевший у ног мужчины пес громко гавкнул, напомнив о своем существовании.

– А это Джексон, – Иванов потрепал по холке собаку, – черный терьер, чемпион и просто наш лучший друг.

– Господин Иванов, – Павел подошел к предпринимателю, – я был бы очень рад познакомиться с вами поближе. И с вашей очаровательной дочерью тоже. Желаю видеть вас у себя во дворце. Считайте это моим приглашением. А пока…

Император взглянул на меня и поправил треуголку.

– Господин Патрикеев, нельзя ли взглянуть вон на ту желтую карету, у которой на крыше светятся голубые огоньки? У нее еще на боку нарисован крест красного цвета. Не следует ли это, что люди, в ней сидящие, имеют отношение к ордену тамплиеров?

Мне стало вдруг смешно.

– Нет, ваше императорское величество, – ответил я, – по роду своей деятельности люди в той карете скорее принадлежат к ордену, великим магистром которого вы, государь, имеете честь быть. То есть к ордену госпитальеров. У нас такие машины выезжают к больным и раненым, дабы оказать им первую помощь.

– Вот как? – сказал Павел. – Тогда я должен обязательно побеседовать с этими людьми. Проводите меня к ним…

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург

Иванов Алексей Алексеевич, частный

предприниматель и любитель военной истории

Вот уж эта Дашка! Язва, а не девка! Лезет туда, куда ее не просят! Самого царя языком зацепила. Однако в конечном итоге она оказалась права – мы действительно оказались в прошлом.

Я стал лихорадочно вспоминать все, что знаю о правлении императора Павла Петровича. Не хочу сказать, что я силен в истории, но кое-что о том времени в моих извилинах хранилось.

Вспомнился Средиземноморский поход адмирала Ушакова, взятие крепости на острове Корфу и его встреча с адмиралом Нельсоном. Ну и, конечно, Итальянский и Швейцарский походы Суворова, где он нагнул всех своих противников и получил высшее звание, которое только может быть у полководца – генералиссимус. Это звание присвоил Александру Васильевичу человек, который сейчас стоит в пяти шагах от меня и мирно беседует с нашими медиками. А-бал-деть!!!

Кстати, мне вдруг вспомнилось о том, что в канун убийства Павла I на Балтику влетел неугомонный однорукий британский адмирал Нельсон, обстрелял Копенгаген и датские береговые батареи, после чего приготовился к нападению на Ревель и Кронштадт. Именно так…

Помнится, год назад я ездил по своим коммерческим делам в Таллин, и там, во время экскурсии, местный гид довольно бойко рассказывал мне на «языке оккупантов» о том, как в 1801 году с «визитом вежливости» в здешние воды пришла британская эскадра, а «оккупанты-варвары» – тут экскурсовод покосился на меня – отказали прославленному флотоводцу в гостеприимстве. А ведь история Эстонии могла бы пойти по-иному, если бы европейские войска высадились бы на ее берега и, прогнав русских, «научили культуре и европейским ценностям» эстонцев.

Тут я не выдержал и заржал. Какая такая Эстония?! Не было ее тогда, да и быть не могло. Вся власть в Ревеле находилась в руках здешних немцев, а эстонцев бароны и за людей не считали. Да и британцы от немцев недалеко ушли – они ирландцев своих чморили почем зря.

Все это я высказал экскурсоводу, который обиделся, моментально перестал понимать по-русски и слинял в неизвестном направлении. А я побродил по Старому городу, полюбовался на замок Тоомпеа, на памятник Русалке и на развалины монастыря Святой Бригитты. Вспомнил рассказы отца, служившего здесь сразу после войны на тральцах. Их отряд базировался в Таллине. Он много чего порассказывал об эстонцах и об их помощи Третьему рейху.

Тем временем император закончил беседу с медиками со «скорой», о чем-то переговорил с подполковником, а потом обернулся ко мне.

– Господин Иванов, – сказал царь, – я хочу предложить вам проследовать вместе со всеми вашими… – тут Павел немного замялся, подбирая подходящее выражение. – Одним словом, самодвижущимися повозками – туда, где их можно будет хранить. Это недалеко отсюда, рядом с моим новым дворцом. Вы можете там расположиться под охраной ваших людей и моих верных конногвардейцев. Я прикажу устроить вам там спальную, а мадемуазель Дарью можно будет пригласить пожить в моем дворце. Великие княжны и императрица с удовольствием примут ее там, как почетную гостью.

Я посмотрел на Дашку. Та закивала, дескать, соглашайся, папа, пока царь не передумал. Честно говоря, мне очень не хотелось расставаться с дочерью. Все-таки лучше нам, людям из XXI века, держаться вместе.

– Прошу меня извинить, ваше императорское величество, – наконец произнес я, – но дочь моя пусть лучше останется вместе со мной. Мы приняли ваше приглашение, и в любое удобное для вас время посетим ваш дворец. Но сейчас, когда смертельная опасность все еще угрожает вашей жизни, женщинам лучше находиться под надежной охраной.

Павел нахмурился. Видимо, мой отказ и напоминание о заговоре вернули его к суровым реалиям XIX века.

– Пусть будет так, господин Иванов, – кивнул император.

И он снова повернулся к подполковнику и к сопровождавшему его штатскому. Подполковник распахнул дверь «Тигра» и предложил Павлу войти в салон бронированного вездехода. Тот, немного поколебавшись, забрался внутрь с третьей попытки. При этом с его головы слетела треуголка, а шпага, нелепо болтавшаяся сзади, зацепилась за порожек машины.

Следовавший за Павлом, словно хвостик, парень лет четырнадцати-пятнадцати растерянно заметался, бормоча под нос что-то по-немецки. Все это время он стоял рядом с императором и, раскрыв от удивления рот, пытался понять, о чем тот говорит с удивительными людьми, которые появились в Петербурге на не менее удивительных повозках. Похоже, что этот юноша все же понимал немного по-русски, потому что время от времени он вздрагивал и с удивлением смотрел то на императора, то на тех, кто с ним беседовал.

Штатский, внимательно наблюдавший за юным спутником Павла, что-то сказал тому по-немецки. Парень в военном мундире кивнул и вслед за императором полез в салон «Тигра».

– Ну что, Алексей Алексеевич, – кивнул он мне, – по коням? Следуем на Манежную площадь. Одним словом, к Зимнему стадиону. Дорогу знаете?

Я кивнул.

– Тогда пойдете замыкающим. Может быть, вам подсадить сопровождающего с оружием? Хотя…

Штатский взглянул на Джексона, который настороженно смотрел на незнакомого ему человека.

– Ладно, с такой сурьезной собачкой вам и в самом деле вряд ли что-нибудь угрожает. Ну, а если что, будем держать связь. Сейчас я принесу вам рацию. И еще – меня зовут Василий Васильевич Патрикеев. Можете звать по имени.

– Хорошо, Василий, – ответил я. – Жду рацию. Эх, угораздило нас попасть хрен знает куда. Одно скажу – если нужна будет наша помощь, можете рассчитывать на меня, мою дочь и моего друга. Но об этом мы поговорим в Манеже…

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Герцог Ойген Фридрих Карл Пауль Людвиг

фон Вюртемберг, известный в России

как Евгений Вюртембергский

Два месяца назад я прибыл в этот холодный, мрачный, но необыкновенно красивый город. До того вся моя жизнь ограничивалась крохотным Эльсским княжеством в Силезии. Я родился в Эльсе, но почти все время жил в небольшом родительском замке Карлсруэ. Слышал я, что и в далеком герцогстве Баден-Дурлах есть город Карлсруэ, но он не имеет к нам никакого отношения, к тому

же находится он от нас далеко, в ста двадцати вюртембергских милях[9 - Соответствует примерно девятистам километрам.]. Впрочем, расстояние до моей родни в Штутгарте всего на десять миль меньше, и мы очень редко видим родственников в нашем родовом гнезде.

Тем не менее моя тетушка, младшая сестра отца, София Доротея фон Мёмпельгард, ставшая императрицей Марией Федоровной, приняла живейшее участие в моей судьбе и убедила августейшего супруга своего, императора российского Павла, принять меня на русскую службу, когда я был еще ребенком. Все эти годы я числился в отпуске ради получения образования, но продолжал двигаться по службе. Недавно меня поздравили генерал-майором, хотя я ни дня не служил в русской армии. В конце прошлого года его императорскому величеству было угодно пригласить меня в свою столицу.

Мне посчастливилось понравиться тетушке и ее царственному мужу, и меня поместили в кадетский корпус, где я начал постигать военную науку и другие дисциплины. Впрочем, родители мои дали мне весьма неплохое образование, и проблемы у меня были только с русским языком. Конечно, у нас в Силезии сельские наши подданные говорят на родственном русскому силезском языке, с которым я немного знаком. Но он все же достаточно сильно отличается от русского и не позволяет ни говорить, ни писать, ни читать на русском языке, хотя отдельные слова разобрать я могу.

А мне необходимо знать язык моей новой родины в совершенстве. Поэтому я весьма усердно пытаюсь его учить, и уже смог добиться некоторых, пусть и весьма скромных, успехов на этом нелегком поприще.

В этот день императору было угодно взять меня с собой на пороховой завод, дабы я мог ознакомиться с его работой и увидеть своими глазами процесс изготовления того, без чего ни одна европейская армия обойтись не может. Но по дороге на завод с нами приключилась одна странная история. Пожилая простолюдинка, засмотревшись на нас, неожиданно поскользнулась и упала. Мы с императором выбежали из открытой повозки, двигавшейся по улицам на полозьях, и помогли встать бедной старушке. Я еще раз убедился, какое доброе сердце у человека, столь щедро осыпавшего меня почестями. Силезские вельможи, скорее всего, не обратили бы внимания на какую-то там бабку, а то и велели бы кучеру огреть ее плеткой, чтобы впредь не зевала и смотрела под ноги.

После того как мы помогли доброй женщине встать, я вернулся в возок, а император еще долго с ней о чем-то разговаривал. Вернувшись и усевшись рядом со мной, он был сильно встревожен и расстроен. Я знал, что император Павел страдает сильными головными болями, и даже как-то раз со смехом объяснил мне, что делит свои мигрени на четыре категории. Первая – «круговая» – это когда болит затылок; вторая – «плоская» – вызывающая боль во лбу; третья – «обычная» – легкая боль; четвертая – «сокрушительная» – когда от боли взрывается вся голова. Но на этот раз не головная боль мучила императора.

На мой вопрос о причинах его задумчивости и печали он ответил вопросом, верю ли я в предсказания и людей, которые могут видеть будущее других.

Конечно, мы, германская нация, мыслим рационально – наши философы, с чьими учениями я немного знаком, как правило, отрицают все потустороннее и превозносят человеческий разум. И даже вера евангелическая[10 - Так сами себя именуют лютеране.], в коей я крещен и воспитан, начисто лишена мистики, кроме личности Спасителя.

Но челядь наша в Силезии верит в духов, привидения и дар пророчества. Те, кто заботился обо мне в раннем детстве, передали и мне, грешному, эту веру. А то, что я слышал здесь, в России, лишь укрепило мою уверенность в том, что не все можно объяснить рационально, и что есть люди, которые видят будущее, хотя бы в некоторых его аспектах.

На мой вопрос, что именно старушка рассказала императору, тот ничего не ответил, но всю дорогу до порохового завода был задумчив и отвечал невпопад на мои вопросы. А после того, как мы закончили все наши дела на заводе, он зашел в местную церковь, где провел много времени, молясь у картин с изображениями Господа нашего Иисуса Христа и матери Его Марии.

Я уже знал, что такие картины здесь именуются иконами. Евангелическая церковь считает поклонение им идолопоклонством, но мне успели объяснить, что для русских это молитва не изображению святого, а ему самому. И Дева Мария для них не просто мать Христова, а величайшая из всех святых.

Уехали мы из Пороховой слободы уже затемно. А на обратном пути, уже не так далеко от Михайловского замка, мы увидели непонятные железные коробки на колесах и странно одетых людей.

Яркий луч света ударил нам в глаза, и мы услышали громкий голос. Из сказанных слов я понял лишь то, что нам велели прекратить движение.

Его величество приказал кучеру остановиться. Губы его шептали какую-то молитву, но он не сдвинулся с места. И хотя мне, вынужден признать, захотелось убежать как можно дальше, я вспомнил, что мне говорил отец: не тот храбр, кто страха не знает, а тот, кто боится, но все равно делает то, что должен. И я остался рядом с императором.

Вскоре к нам приблизились двое – пожилой человек с седой бородкой и высокий, широкоплечий военный в странном мундире безо всяких украшений, кроме нашивки со странной комбинацией букв и цифр.

Говорили они с императором по-русски, так что я мало чего понял из их разговора, кроме того, что человек в униформе оказался не простым солдатом, а подполковником. Мне сразу понравились их манера держать себя и их тон – почтительный, но без тени подобострастия. Меня удивило, что император, любящий субординацию, дисциплину и чинопочитание, разговаривал с ними почти как с равными.

Ладно, подумал я, его величество, наверное, мне все потом расскажет сам. Но тут со стороны дворца, когда-то принадлежавшего князю Потемкину, послышался топот копыт. По Шпалерной улице к нам скакали конногвардейцы во главе с полковником Саблуковым. Видимо, они подумали, что неизвестные напали на возок, в котором ехал император, и захватили государя в плен. А теперь они с подкреплением вернулись, чтобы спасти своего монарха. Император решительно шагнул им наперерез.

Недоразумение закончилось вполне благополучно. Конногвардейцы выслушали объяснение государя, недоверчиво посмотрели на его странных собеседников и спешились.

Император пошел к удивительным железным фургонам незнакомцев. Там он потолковал о чем-то с красивой фройляйн, гулявшей с большой черной собакой, а потом с пожилым мужчиной, который, как я понял, был ее отцом, а также с людьми в синих просторных одеждах, сидевших в желтой повозке с красными крестами на боку.

Потом я услышал слово «Экзерциргауз». Мне было хорошо известно это красивое здание недалеко от нового дворца русского императора. Там содержали лошадей и обучали солдат и офицеров конной выездке. Наверное, подумал я, государь решил убрать туда необычные повозки этих странных людей.

Так оно, по всей видимости, и было. Коротко переговорив с военным, назвавшимся подполковником (как я ругал себя за то, что плохо знаю русский язык!), император кивнул ему и стал неловко забираться в большую повозку, которая почему-то все еще не была запряжена лошадьми. Я понял только, что эти люди сказали императору что-то очень важное, и он был очень взволнован. Я услышал некоторые фразы, из которых мне стало ясно, что незнакомцы собираются спасти государя от смерти.

Я забеспокоился. Хотя государь и дал мне чин русского генерала, но я был всего-навсего ребенком, который едва вышел из-под родительского крова и вступил во взрослую жизнь. И вторыми родителями для меня стали моя тетушка и ее русский муж – повелитель огромной страны. Поэтому я, несмотря свою молодость, готов был отдать жизнь, защищая тех, кто стал мне родными и близкими.

Решившись, я приблизился к повозке, в которую сел император. Меня остановил пожилой мужчина с седой бородкой.

– Извините, молодой человек, вас зовут Ойген Фридрих фон Вюртемберг? – обратился он ко мне по-немецки со странным акцентом.

Я удивился, немного замялся, а господин ласково погладил меня по плечу и сказал:

– Не бойтесь, мы друзья императора Павла, и хотим спасти его от грозящей ему опасности. Мы знаем, что вы любите государя и готовы отдать за него жизнь. Я попрошу вас сесть в автомобиль – так называется самодвижущаяся повозка, на которой мы сейчас отправимся в Экзерциргауз. Меня зовут Василием Васильевичем Патрикеевым, но вы можете называть меня Базилиус. Доверьтесь мне, и я обещаю, что общими усилиями мы сохраним жизнь императора и его семьи.

Кивнув герру Базилиусу, я собрался с духом и, зажмурив глаза, шагнул в освещенное странными светильниками нутро удивительного автомобиля.

Историческая справка

Русский немец

Фридрих Ойген Карл Пауль Людвиг фон Вюртемберг родился в 1788 году в Эльсе (Силезия). Он был сыном герцога Ойгена Фридриха Генриха Вюртембергского – генерала на службе короля Пруссии Фридриха II. Казалось бы, сыну прусского генерала сам бог велел тоже стать военным и верно служить Гогенцоллернам. Но такому развитию событий помешало родство юного Фридриха Ойгена с императрицей российской Марией Федоровной, в девичестве Софией Марией Доротеей Августой Луизой Вюртембергской и младшей сестрой его отца.

Именно она и походатайствовала перед своим августейшим супругом о зачислении племянника на русскую службу. Император Павел I не поскупился: восьмилетний Евгений – так Фридриха Ойгена стали называть в России – стал сразу полковником. В начале 1797 года Евгений был зачислен в лейб-гвардии Конный полк. А 4 февраля 1799 года он был произведен в генерал-майоры и назначен шефом драгунского генерал-майора Сакена 3-го (Псковского драгунского) полка. Все эти чины он получил заочно, числясь «в отпуску для прохождения наук» и проживая с родителями в Эльсе.

В Россию 13-летний Евгений приехал в январе 1801 года. Молодой, но не по годам смышленый и рассудительный юноша сумел понравиться императору Павлу Петровичу. Вскоре он был награжден новым российским орденом Святого Иоанна Иерусалимского. Поговаривали, что император Павел I даже подумывал о том, чтобы назначить Евгения наследником престола, лишив великого князя Александра Павловича прав на российскую корону.

Но все резко изменилось после 11 марта 1801 года, когда заговорщики в Михайловском замке убили императора Павла I. Его кузен, новый император Александр I, перевел Евгения из гвардии в армию и назначил его шефом Таврического гренадерского полка. Евгений, понимая, что его присутствие в России не всем нравится, уехал к родителям в Силезию, продолжая, впрочем, числиться на службе, находясь в отпуске «для завершения наук».

С началом войны между Россией и наполеоновской Францией, Евгений в начале 1806 года прибыл в штаб действующей русской армии в Пруссии и поступил на службу. Он участвовал в кампании 1806–1807 года, приняв участие в кровопролитном сражении при Пултуске 14 (26) декабря 1806 года. Тогда русские войска нанесли большие потери французским войскам, возглавляемым одним из лучших маршалов Наполеона Жаном Ланном. За это сражение, в котором восемнадцатилетний Евгений впервые услышал рев пушек и свист пуль у себя над головой, он был награжден орденом Святого Георгия IV степени.

Далее было участие в упорном и жестоком сражении при Прейсиш-Эйлау (7–8 февраля 1807 года) между русскими войсками, возглавляемыми генералом Беннигсеном, и французскими, которыми командовал сам Наполеон Бонапарт. Это была настоящая мясорубка – общее количество убитых и раненых превысило 50 тысяч человек, причем потери с обеих сторон были примерно равными. За это Евгений был награжден орденом Святой Анны I степени. Во время сражения при Фридланде, неудачном для русской армии, 14 июня 1807 года Евгений получил контузию. Вскоре в Тильзите был подписан мир между Россией и Францией.

В 1809 году молодой генерал Евгений Вюртембергский, исходя из своего опыта войны с французами, составил записку «О Наполеоне и образе ведения войны против него». Его труд был высоко оценен – Евгения наградили орденом Александра Невского, третьим по старшинству орденом Российской империи.

Отечественную войну 1812 года Евгений встретил командиром 4-й пехотной дивизии. Он храбро сражался с врагом – под Смоленском 5 августа 1812 года лично повел в атаку 4-й егерский полк, за что был награжден орденом Святого Владимира II степени. Евгений Вюртембергский отличился в битве при Бородино, в сражениях при Малоярославце, Вязьме и Красном. Он получил чин генерал-поручика и несколько боевых орденов.

Евгений принял участие в Заграничном походе русской армии 1813–1814 годов. В сражении при Лютцене он, после ранения генерала Блюхера и генерала Шарнхорста, принял под свое командование прусские войска. Евгений храбро сражался при Бауцене, Рейхенбахе и Дрездене. При отступлении объединенной русско-прусской армии в Богемию, он, командуя 10-тысячным отрядом, выдержал натиск втрое превосходящих его французских войск генерала Вандама. Во время кровопролитного сражения при Кульме, Евгений Вюртембергский командовал первой линией центра русской позиции.

Отличился он и во время знаменитой «Битвы народов» при Лейпциге (16–19 октября 1813 года), когда корпус, которым командовал Евгений, взял деревню Вахау и стойко оборонял ее, понеся при этом большие потери.

В кампанию 1814 года Евгений участвовал в сражениях: при Ножане, Бар-сюр-Об, Фер-Шампенуазе. При взятии Парижа в марте 1814 года Евгений Вюртембергский командовал левой колонной союзных войск, двигавшихся на французскую столицу по правому берегу Сены. Его войска первыми вступили в Париж.

После окончания боевых действий Евгений был назначен командиром 1-го пехотного корпуса. 14 октября 1821 году его освободили от командования корпусом. Причиной этому стали старые нелады между кузенами – Евгением Вюртембергским и императором Александром I. В конце концов заслуженный генерал взял бессрочный отпуск и уехал в Силезию, где жил в своих имениях.

После смерти императора Александра I Евгений вернулся в Россию. Во время восстания декабристов 14 декабря 1825 года он находился при другом своем кузене – императоре Николае I, который поручил Евгению организовать охрану Зимнего дворца. Новый русский монарх не сомневался, что боевой генерал не позволит мятежным гвардейцам уничтожить августейшую семью (а такие планы у них были).

22 августа 1826 года Евгений Вюртембергский получил высшую награду Российской империи – орден Святого апостола Андрея Первозванного.

Опытный военачальник занялся штабной работой. В 1826 году он участвовал в составлении плана войны против Турции. С ее началом Евгений выехал на театр военных действий, где состоял при императоре Николае I. В июле 1828 года он был назначен командиром 7-го пехотного корпуса. При нападении на турецкий укрепленный лагерь на высоте Куртепе 18 (30) сентября 1828 года Евгений был ранен. 3 октября его корпус нанес поражение крупному турецкому отряду на реке Камчик.

14 октября 1828 года Евгений Вюртембергский из-за конфликта с главнокомандующим генерал-фельдмаршалом Дибичем был вынужден сдать корпус и уехать в Санкт-Петербург. За участие в войне с Турцией 1828–1829 годов ему были пожалованы бриллиантовые знаки к ордену Андрея

Первозванного.

С 1829 года Евгений активного участия в военной службе и придворной жизни не принимал. Проживал он в основном в своих имениях в Силезии, часто посещая Россию. В 1839 году Евгений Вюртембергский приехал на Бородинское поле, чтобы принять участие в юбилейных торжествах в честь 25-летия окончания войны с Наполеоном. После 1840 года он посещал Россию редко, проживал в Силезии, занимался музыкой (Евгений был автором ряда симфонических и камерных произведений) и литературой (написал обстоятельные мемуары). Скончался он в любимом имении Карлсруэ, в Верхней Силезии, в кругу семьи.

Современники считали Евгения Вюртембергского одним из лучших русских пехотных командиров времен наполеоновских войн. Его портрет по праву находится среди портретов героев Отечественной войны 1812 года в галерее Зимнего дворца.

Глава 2. Необычные гости царя

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович,

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу

и Ленинградской области «Град»

Павел с трудом уселся на сиденье в салоне «Тигра». Шпагу, которая ему явно мешала и путалась в ногах, и треуголку, цеплявшуюся за внутреннее оборудование машины, ему пришлось снять. Их принял подросток в военной форме, который забрался в «Тигр» следом за императором. Я хотел было его шугануть, но Васильич за спиной пацана подмигнул мне. Понятно – значит, этот паренек для чего-то нужен Патрикееву. «Тонкое дело – европейский политик», – вспомнилась мне вдруг фраза из кинофильма про царя Петра Великого – прадедушки императора Павла Петровича.

Дверь захлопнулась, и я по рации отдал команду начать движение. «Тигр» в сопровождении конногвардейцев должен был следовать первым.

Зарычал двигатель, и автомобиль тронулся с места. Император и парень в военном мундире вздрогнули. Павел непроизвольно перекрестился и испуганно стал озираться по сторонам. Но вскоре он успокоился и начал с интересом осматривать салон нашего «пепелаца». Похоже, что у него появилось немало вопросов к нам, но император сумел справиться со своим любопытством, и заговорил он о делах насущных.

– Господин Патрикеев, когда мы доберемся до Экзерциргауза, я пришлю к вам десятка два моих верных преображенцев. Их командира, поручика Марина, я предупрежу, чтобы он выполнял все ваши приказания так же неукоснительно, как и мои. Думаю, для начала этого будет вполне достаточно…

– Эх, ваше императорское величество, – вздохнул Васильич, – а вы ведь и не знаете, что Сергей Марин в нашей истории, в ту роковую ночь командовавший внутренним караулом в Михайловском замке, приказал ничего не подозревавшим солдатам этого славного полка беспрепятственно пропустить заговорщиков к вашим покоям.

– Боже мой! – воскликнул Павел. – Неужели мне теперь нельзя никому верить? Кругом предательство, трусость и измена!

Услышав эту знаменитую фразу, в марте 1917 года произнесенную потомком Павла Петровича императором Николаем II, мы с Патрикеевым, не сговариваясь, переглянулись. История повторилась, правда, жертвами заговора тогда стал не только русский царь, но и вся его семья.

– Государь, – снова вздохнул Васильич, – в числе заговорщиков оказались все, кому вы полностью доверяли: граф Пален, комендант Михайловского замка генерал Котлубицкий, ваш адъютант Аргамаков и, самое главное, ваш наследник Александр Павлович.

– Это ужасно, – прошептал император. – Выходит, если бы не вы, то меня непременно бы убили?

– Скорее всего, – безжалостно произнес Патрикеев, – так бы оно и было. Но, государь, мы на сей раз не позволим это сделать. Не следует забывать, что нам известны все участники заговора, и потому мы должны первыми нанести удар. Люди подполковника Михайлова возьмут вас под свою защиту. Поверьте, оружия, которым они обладают, в этом мире нет ни у кого.

Кроме того, за вами, государь, армия. Солдаты вас любят, они помнят, что вы улучшили их денежное содержание, строго наказывали командиров, бессовестно запускавших руку в полковую казну. Заговорщики – это кучка гвардейских офицеров, которые привыкли получать чины и награды не на поле боя, а на дворцовых паркетах.

– Ваше императорское величество, – вступил в разговор я, – заговорщики отрабатывают британские деньги, которыми их щедро снабжал английский посол в Санкт-Петербурге Чарльз Уитворт.

– Так я же выслал этого мерзавца из России! – воскликнул Павел. – Правда, до Лондона он так и не добрался и сейчас находится в Дании, откуда интригует против меня.

– Кстати, – покачал головой Патрикеев, – со дня на день к Копенгагену подойдет британская эскадра. Без объявления войны она нападет на столицу Дании, уничтожит береговые батареи и захватит корабли датского флота.

– Неужели британцы могут так подло поступить?! – возмутился Павел. – Впрочем, от этой нации торгашей можно ожидать чего угодно.

– Эти бесчестные лорды нашли русских единомышленников, которые приняли участие в вашем убийстве, – сказал Васильич. – В их числе и Никита Панин, человек, которого вы считаете своим лучшим другом. Именно он и склонил наследника престола Александра Павловича к участию в заговоре.

– Как, Никита Петрович тоже участник заговора?! – На императора было жалко смотреть. По щекам его покатились слезы, а лицо стало бледным, как бумага.

– Эх, государь, – вздохнул Патрикеев. – Поверьте мне, очень многие из вашего окружения предали вас, как Иуда предал Спасителя. Могу лишь сказать, что один из немногих, кто останется вам верен, – это генерал Аракчеев. Жаль

только, что вы из-за интриг графа Палена повелели ему отправиться в свое имение в Новгородскую губернию. За несколько дней до вашего убийства вы все же решите простить «преданного без лести»[11 - Эти слова в качестве девиза были начертаны в гербе Аракчеева.] и прикажете ему срочно прибыть в Петербург. Он немедленно отправится в путь и прибудет в столицу вечером, за несколько часов до того, как заговорщики ворвутся в Михайловский замок. Но по приказу Палена Аракчеев будет задержан до утра 12 марта на заставе у въезда в Петербург. И он не успеет ничем вам помочь.

Павел задумался. «Тигр» тем временем осторожно двигался по пустынным улицам столицы Российской империи. Мне сперва показалось подозрительным, что на улицах не было ни души, а в окнах домов я не заметил ни одного огонька. Но потом я вспомнил, что по указу императора уже в десять часов вечера все жители столицы обязаны были гасить свечи и ложиться спать.

Правда, обитатели дворянских особняков нашли выход – они просто велели слугам задергивать окна плотными шторами на двойной подкладке, словно светомаскировку во время Великой Отечественной войны. Потом зажигались свечи, и начиналось веселье, часто продолжавшееся до утра.

Вскоре мы свернули с Литейного проспекта и подъехали к каменному трехпролетному мосту с башенками, чем-то похожему на мост Ломоносова.

– Вот мы и приехали, – сказал Васильич, взглянув в окно автомашины. – Государь, прикажите полковнику Саблукову распорядиться, чтобы открыли ворота, дабы наши машины могли въехать в Манеж.

– Господа, наверное, будет лучше, если я лично отдам все необходимые распоряжения, – Павел пристально посмотрел мне в глаза. – После того, как я услышал от вас всю правду о заговоре, безопасней будет, если приказания, касаемые вас, будут исходить непосредственно от меня. Так будет лучше для вас, да и для меня тоже…

1 (13) марта 1801 года.

Санкт-Петербург.

Василий Васильевич Патрикеев – журналист

Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь[12 - Книга Екклесиаста, 1:18.], вспомнились мне строки из одной умной книги. Наши знания, обрушившиеся на голову бедного Павла Петровича, похоже, вызвали у него когнитивный диссонанс. Император словно постарел на несколько лет. Его можно было понять – выяснилось, что большинство тех, кого он считал своими верными соратниками и друзьями, оказались предателями и интриганами, замешанными в заговоре и ставшими соучастниками цареубийства.

«Тигры», грузовичок и «скорая», рыча моторами, осторожно въехали в помещения Манежа. Павел, до этого задумчиво наблюдавший за действиями водителя нашего «пепелаца», очнулся от своих тяжких раздумий и внимательно посмотрел на нас.

– Господа, – со вздохом произнес он, – все, что вы мне сейчас рассказали, весьма меня огорчило. Теперь я даже и не знаю, кому из моих приближенных можно доверять, а кому – нет. Даже если мой родной сын и наследник злоумышляет против меня…

Император замолчал и с досадой махнул рукой.

– Государь, – ответил я, – вы потеряли тех, кто оказался недостоин вашего доверия, но вы нашли людей, которые готовы оказать вам помощь и спасти вас. Не забывайте, что нам известно то, что произошло в нашем прошлом, то есть в вашем будущем.

– Я знаю, господа, что ваше появление в нашем времени накануне готовящегося на меня покушения – не случайность. Это промысел Божий, – тут Павел перекрестился, – и, видимо, высшие силы решили, что однажды совершенное ужасное преступление не должно снова повториться.

Скажите, как мне лучше поступить? Что вы посоветуете мне сделать? Решать, конечно, придется мне, как самодержцу, коего Господь по своему промыслу поставил во главе нашей державы. Но я все же человек и потому с благодарностью приму умный и добрый совет, который поможет спасти жизни сотен тысяч моих подданных.

– Ваше императорское величество, – вступил в разговор подполковник Михайлов, – мне кажется, что вам не стоит медлить. Я уверен, что шпионы графа Палена уже сегодня доложат ему о вашей встрече с людьми, появившимися неизвестно откуда на странных самодвижущихся повозках.

Пален, как человек умный, коварный и решительный, поймет, что судьба заговора висит на волоске. И он может выступить раньше 11 марта… Поэтому, государь, я предлагаю вам немедленно арестовать главарей заговора. Вам же в эту ночь и, возможно, в следующую следует находиться под охраной моих бойцов.

– А если заговорщики испугаются и отложат на время свои гнусные намерения? – спросил император. – Что же, мне, господин подполковник, все время находиться под охраной ваших людей?

Павел начал пыхтеть, словно самовар, что было признаком того, что он волнуется или сердится. Нам сие ни к чему – в подобных ситуациях император часто принимал скоропалительные решения, о которых он потом не раз жалел.

– Ваше императорское величество, – сказал я, – прошу вас не сердиться. Подполковник Михайлов прав – противника нельзя недооценивать. Граф Пален может сообщить солдатам гвардейских полков ложное известие о том, что некие бандиты захватили императора в плен, и повести их на штурм Михайловского замка. Солдаты любят вас, государь, и не задумываясь бросятся вас спасать. А заговорщики под шумок убьют вас. Во время штурма могут погибнуть и члены вашей семьи – вы же знаете, что потом все свалят на нас, и те из нас, кто останется в живых, будут подвергнуты мучительным пыткам и казни. Государь, вы ведь не желаете, чтобы так произошло?

Павел вздрогнул. Похоже, что только сейчас до него дошло, что мятежники – люди без чести и совести, и они не остановятся перед убийством не только его, которого ненавидят все те, кто при его матери, императрице Екатерине Великой, разворовывал казну, пировал и развратничал. Жертвой вооруженного мятежа может стать его супруга, и даже дети.

Разве не случилось нечто подобное совсем недавно во Франции? Где король Людовик XVI и королева Мария Антуанетта? Они мертвы – взбунтовавшаяся чернь бросила их в Тампль, а потом отрубила головы на изобретенном

якобинцами чудовищном устройстве для казни, именуемом гильотиной. А кто подстрекал чернь? Среди тех, кто ликовал, наблюдая за унижениями несчастной королевской семьи, были и нацепившие трехцветную кокарду титулованные особы. Даже сопляк граф Строганов бегал по Парижу во фригийском колпаке и, надрывая глотку, орал: «Liberte, Egalite, Fraternite!»[13 - Свобода, равенство, братство – лозунг Великой французской революции.]

Правда, потом этим самым аристократам якобинцы самим отрубили головы, после чего Франция провалилась в пучину анархии и войны всех против всех. И лишь Наполеон, которого Павел совсем недавно оценил по достоинству, пришел к власти и железной рукой навел в стране порядок.

Во время своего путешествия по странам Европы, еще будучи наследником российского престола, Павел со своей супругой гостил в Париже у королевской четы. Людовик и Мария Антуанетта тогда были еще молоды и беззаботны. Павел и Мария Федоровна подружились с королем и королевой. Они вместе танцевали на балах, музицировали, бродили по аллеям Версаля, беседуя о новых театральных постановках и о последних новинках моды. Злодейская расправа парижан над Людовиком XVI вызвала ярость у Павла. Во многом это подвигло его, когда он стал императором, заключить союз с Австрией и Британией против кровожадных санкюлотов, осмелившихся поднять руку на священную особу короля.

– Господа, вы правы, – произнес наконец Павел. – Злодеи должны понести заслуженное наказание. Прошу вас, – он посмотрел на меня, – составить списки тех, кого следует немедленно взять под стражу. Особо укажите заводчиков мятежа. Тех, кто участвовал в нем, но не злоумышлял против меня, внесите в отдельный список. Пишите всех, невзирая на титулы и чины. А потом мы с вами решим, что делать дальше…

1 (13) марта 1801 года. Санкт-Петербург.

Император Павел I

У меня голова шла кругом. Даже мучившая меня с утра мигрень куда-то делась. То, что мне удалось сегодня узнать и пережить, потрясло меня.

Предательство, кругом предательство! Самые мне близкие люди предали меня – а ради чего?! Из-за того, что я не позволяю им, как это было при моей покойной матери, продолжать разворовывать деньги из казны?! Или за то, что я заступился за крестьян, не разрешив помещикам выжимать из них последние соки?! За то, что я простил таких отъявленных мерзавцев, как братья Зубовы, а они отплатили мне за все это участием в цареубийстве?!

Господин Патрикеев рассказал о том, что произошло в моей опочивальне в ночь с 11 на 12 марта. Это было ужасно! Николай Зубов первым ударил меня тяжелой золотой табакеркой в висок, тем самым совершив страшное преступление – он поднял руку на священную особу Помазанника Божьего! А остальные… Пьяные от вина и чувства безнаказанности заговорщики пинали ногами поверженного самодержца, да так, что врачи, которые потом пытались привести в порядок труп убиенного императора (мой труп!), смогли это сделать лишь с большим трудом. У него (у меня!) был выбит глаз, изуродовано лицо, свернута шея…

Боже мой, прости и помилуй того несчастного, который в прошлом моих спасителей был зверски убит заговорщиками! Нет, я не позволю мерзавцу Палену и его шайке прикончить себя… Подполковник Михайлов прав – нельзя медлить, надо немедленно начать сыск по этому делу и арестовать всех, кто причастен к заговору. Вот только не следует наказывать строго солдат и тех из офицеров, кого их начальники использовали в качестве слепых орудий преступления. Ведь нож не виноват в том, что он пронзил сердце своей жертвы. Виновата рука злодея, направившего этот нож в грудь человека.

Я посмотрел на сидевших в самобеглой карете, именуемой автомобилем, пришельцев из будущего. О, как мне хотелось задать им вопросы, много вопросов! Но все это потом, когда заговорщики будут арестованы и жизнь членов моей семьи окажется вне опасности.

– Господа, я понимаю, что вы знаете о том, что случилось в Михайловском замке в ту роковую ночь, лучше меня. Поэтому я готов сделать все, что вы скажете. Сейчас я направляюсь в свою новую резиденцию, где, как я считал, я должен был находиться в полной безопасности. Кто из вас будет меня сопровождать?

Подполковник Михайлов и господин Патрикеев переглянулись. Я понял, что они желали бы переговорить между собой тет-а-тет, и потому, чтобы предоставить им эту возможность, решил выйти из их самобеглой кареты.

Вместе с юным герцогом Вюртембергским я выбрался в темноту Манежа, пропахшего конским навозом и сыростью. Ойген был испуган и взволнован – я заметил, как у него дрожат руки. Но все же молодой человек вел себя вполне достойно, и мне это понравилось.

– Ваше императорское величество, – сказал он, – я плохо знаю русский язык, но то, что мне удалось понять из вашего разговора с этими незнакомцами, ужаснуло меня. Вы в опасности, государь? Злодеи из числа ваших придворных собираются вас убить?

– Да, мой мальчик, все именно так, – я тяжело вздохнул и погладил по голове племянника моей супруги. – Меня должны убить, но люди, неведомо каким путем пришедшие к нам из будущего, решили спасти меня и мою державу, которой после моей смерти тоже грозят великие потрясения и бедствия.

– Это невозможно, государь! – воскликнул изумленный герцог. – Я допускаю, что Господь по Своему промыслу и желанию может дать простому смертному способность предсказывать будущее. Но чтобы Он перенес из этого будущего в прошлое живых людей вместе с их удивительными механизмами!..

– Как это ни удивительно, Ойген, но люди, с которыми я только что беседовал, пришли именно из будущего. Они знают о нас все, потому что их прошлое – это наше настоящее и будущее. Именно о них сказала мне сегодня старая чухонка, с которой мы встретились днем. Помнишь ту несчастную женщину, которой мы помогли встать на ноги, следуя на Пороховой завод?

– Боже мой! – юный герцог Вюртембергский схватился за голову. – Это значит, что этим людям известна и наша судьба – они знают, что мы будем делать, как мы проживем свою жизнь и когда умрем!

– Ойген, ты прав, конечно, но узнав о том, что должно произойти, мы можем не совершать тот или иной поступок, и тем самым наше будущее изменится и перестанет быть похожим на их прошлое. Ты понимаешь – наше будущее мы сможем творить сами…

Дверь самобеглой кареты открылась. Подполковник Михайлов и господин Патрикеев вышли из нее и направились в нашу сторону. Видимо, они решили, что именно следует сделать, чтобы заговор не осуществился и все причастные к

нему понесли заслуженное наказание.

– Ваше императорское величество, – сказал Патрикеев, – мы решили, что с вами в Михайловский замок следует отправиться нескольким из нас. Вы найдете там место для пяти человек?

– Полноте, – ответил я, – в вашем распоряжении весь мой замок. Скажите только, и я прикажу предоставить вам любой зал или кабинет.

Господин Патрикеев и полковник Михайлов переглянулись. У меня сложилось впечатление, что у них уже был готов некий план действий, с которым они решили познакомить меня.

– Государь, нам необходимо выставить пост охраны в помещении библиотеки, смежной с вашей спальней. Скажите, многим из ваших придворных известно о существовании потайной лестницы, расположенной за фальшивой печью в библиотеке и ведущей в нижние комнаты?

Я вздрогнул. Эти люди знали даже это! Но, как оказалось, они знали не только расположение тайных помещений и лестниц в моем новом дворце, но и еще кое-что…

– Государь, – господин Патрикеев, немного помялся, словно собираясь сказать нечто, не совсем для меня приятное. – Мы бы очень хотели, чтобы вы попросили мадам Гагарину на время покинуть свое помещение в замке и перебраться в другое помещение, или вообще пожить некоторое время у себя дома…

Я почувствовал, что в лицо мне ударила кровь. Этим людям известно даже о том, что я иногда тайком по вечерам посещаю Аннушку… Да, воистину, нет ничего тайного, что не стало бы явным.

– Ваше императорское величество, – сказал подполковник Михайлов, – поймите нас правильно – мы должны гарантировать вам полную безопасность. Поверьте, мы не желаем вас оскорбить или вторгаться в вашу частную жизнь. Но злодеи могут ворваться в комнату вашей фаворитки и по тайной лестнице подняться вверх, после чего они попадут в вашу комнату… Или, в случае неудачи своего предприятия, они прикроются княгиней Гагариной как живым щитом и могут попытаться скрыться от возмездия.

– Господа! – воскликнул я. – Да разве такое возможно?! Превратить женщину в живой щит?!

– Эх, государь, – вздохнул господин Патрикеев, – мы столкнемся с людьми без совести и чести, готовыми пойти на любую подлость, чтобы спасти свою шкуру. А что касается женщин… К сожалению, в нашем времени бандиты прикрывались от пуль не только женщинами, но и маленькими детьми…

Я едва не задохнулся от возмущения. Мне и в голову не могло прийти, что мои новые друзья прибыли из мира, в котором происходят такие ужасные преступления, и где понятия о рыцарстве и дворянской чести полностью отсутствуют.

– Государь, – продолжил подполковник Михайлов, – как вы считаете, может, было бы неплохо завтра же отправить вашу супругу и ваших детей в Павловск или в Гатчину? Думаю, что вы сможете ее уговорить это сделать. А в ее спальне, смежной с вашей, будут дежурить наши люди. В случае необходимости они придут к вам на помощь.

– И как долго все это будет продолжаться? – спросил я. Мне не сильно нравилось все то, что предложили мне эти господа, но вспомнились ужасные подробности убийства меня (или не меня?) в их прошлом. И про себя я решил принять их план и потерпеть пару дней, пока заговор будет ликвидирован, а все заговорщики пойманы. Вот только удалить из дворца супругу и детей? И как долго мне придется оставаться одному?

– Думаю, что все займет несколько дней, – ответил мне господин Патрикеев. – А завтра желательно было бы пригласить в замок главу Тайной экспедиции Алексея Семеновича Макарова, чтобы с его помощью начать арестовывать злоумышленников.

– Надеюсь, что вы, Василий Васильевич, – я обратился к своему собеседнику по имени и отчеству, показывая тем самым, что наши отношения становятся менее официальными, – тоже будете в числе тех, кто отправится вместе со мной в мой дворец?

– Да, государь, было бы неплохо поговорить с вами о том, что произошло в нашей истории после вашей трагической смерти в марте 1801 года. Я захвачу с собой документы, и вы сможете с ними ознакомиться…

Санкт-Петербург,

1 (13) марта 1801 года. Летний сад

Джулиан Керриган, беглый моряк

Я возвращался с работы в свое жилище, снимаемое мною в частном доме у большой церкви, которую русские называют храмом целителя Пантелеймона. Мне осталось лишь пересечь Летний сад, пустынный в это время года, спуститься по гранитным ступенькам к причалу и по льду Фонтанки пересечь эту небольшую речку. Поднявшись на набережную на другой стороне, я окажусь в сотне ярдов от своего дома.

Я любил гулять по Летнему саду. Пусть здесь вечером было и темно, но после всего, что мне довелось пережить, я уже ничего на свете не боялся. К тому же у меня в кармане лежал большой матросский нож, которым я неплохо владел. Идя по тропинке пустынного в это время сада, я задумался, и чуть было не споткнулся, услышав совсем рядом слова, произнесенные на моем родном языке, пусть и с сильным германским акцентом:

– Все уже готово, виконт. Осталось лишь выбрать подходящий момент, когда можно будет нанести решительный удар…

– Я же вас просил, генерал, не надо называть никаких имен и титулов, – второй человек говорил с выраженным акцентом английской элиты, примерно таким, какому пытаются подражать те, кто считает себя у нас в Чарльстоне местной аристократией. Только, как мне показалось, для того, кого назвали виконтом, это произношение было вполне естественным. Конечно, забавно то, что и он обратился к немцу по званию, хотя сам требовал от своего собеседника не называть его.

– Кто может находиться здесь в такой поздний час? – с усмешкой в голосе произнес «генерал». – В парке нет никого, кроме ворон и сторожей, которые давно уже напились водки и спят беспробудным сном. Этих русских невозможно приучить к дисциплине и порядку.

– Здесь даже у стен могут быть уши, равно как и у деревьев, – нравоучительным тоном произнес «виконт». – Впрочем, давайте перейдем к делу. И когда свобода с вашей помощью наконец восторжествует в России?

– Я думаю, что в течение двух недель, возможно и раньше.

Было слишком темно, чтобы я мог рассмотреть тех, кто беседовал в парке. Затаив дыхание, я замер и стал слушать дальше их разговор. Неожиданно второй голос произнес фразу из трагедии Шекспира:

– Et tu, Brute? Then fall, Caesar![14 - «И ты, Брут? Тогда умри, Цезарь!» – Шекспир, «Юлий Цезарь», акт III, сцена 1.]

Неожиданно лунный свет на мгновение пробился сквозь облака и ветви деревьев, и я увидел на одной из дорожек сада футах в ста от меня двух человек. Лиц их рассмотреть я не смог – луна снова нырнула за тучи, но мне все же удалось заметить, что один из говорящих был в военном мундире, а второй – в партикулярном платье.

Первый собеседник, «генерал», с недоумением спросил:

– А при чем тут Цезарь?

– Это фраза из произведения господина Шекспира. Цезарь, знаете ли, тоже слишком доверял своим приближенным. Да и убили его на мартовские иды, которые, как известно, вот-вот должны наступить.

– А-а, теперь понятно… – сказал немец тоном, по которому можно было понять, что он так ничего и не понял.

– Да, и еще. Как только тиран будет мертв, соблаговолите немедленно послать весточку в контору торгового дома де Конинк и попросите передать минхеру

Корстаанье сообщение о том, что условия сделки остаются прежними.

– Хорошо, я сделаю все, что вы сказали.

– Тогда до свидания. И да поможет вам святой Георгий.

Я старался дышать как можно тише, чтобы не выдать своего присутствия. Вскоре я услышал, как удаляются шаги одного из собеседников. Другой же направился в мою сторону, но, к счастью, не заметил меня, хотя и прошел мимо на расстоянии вытянутой руки. Практически в тот же самый момент луна опять выглянула из-за облаков, и я успел разглядеть орлиный нос и острый подбородок.

Несмотря на легкий мороз, я постоял неподвижно на одном месте еще минут десять, лихорадочно обдумывая, что мне делать дальше. То, что замышляется убийство российского императора, мне стало ясно сразу. Следовательно, нужно было как можно быстрее сообщить об этом кому-нибудь. Но только вот кому?..

Родился я в Чарльстоне – это в Южной Каролине. Отец мой прибыл в Новый Свет из ирландского графства Голуэй за два года до моего рождения, а мама – из немецкого Данцига. Сам же я был ровесником Американской революции. Жили мы не так уж плохо – папа был боцманом на «Сэлли» и зарабатывал достаточно, чтобы мы не знали нужды. Но когда мне было восемь лет, его корабль не вернулся из очередного плавания. Через год мама снова вышла замуж, но отчим нас, детей от первого брака, недолюбливал, и почему-то особенно меня.

Как только мне исполнилось десять, я ушел юнгой на «Прекрасную Американку» и никогда потом не жалел об этом. Жизнь моряка тяжела, но я успел побывать во Франции, в Голландии, на островах Карибского моря, в Индии и в Кейптауне. А два года назад наш корабль впервые прибыл в столь ненавидимую моими родителями Англию, в порт Плимут.

В первый же вечер мы с моим приятелем Билли Баддом оказались в пабе недалеко от порта. Билли был моим лучшим другом – можно сказать, даже братом. Ведь он спас меня во время шторма, когда волна сбила меня с ног на палубе и потащила за борт. Билли в последний момент каким-то чудом сумел схватить меня за руку и удержать от падения в морскую пучину. А ведь он сильно рисковал – его вместе со мной могло унести в бушующее море.

Отдышавшись и выплюнув соленую морскую воду, набившуюся мне в рот, я сказал тогда:

– Билли, я никогда не забуду то, что ты сделал сейчас для меня. Ведь если бы не ты, я уже был бы в рундуке Дэви Джонса[15 - На жаргоне моряков – в могиле.].

А он рассмеялся в ответ и сказал, что в первом же порту, в который зайдет наш корабль, мы просто хорошенько обмоем мое чудесное спасение. Первым же портом оказался этот проклятый Плимут…

Поначалу все шло хорошо. Мы заказали пива, бутылку рома и яичницу. Я хорошо помню, как за наш стол подсели двое англичан. Узнав, по какому поводу мы решили выпить, они заказали нам еще бутылку рома. Потом еще, потом еще и еще…

Проснулись мы на английском военном корабле, фрегате «Бланш», где нам было заявлено, что мы с сего дня находимся на службе Его Величества короля Георга III. Я попытался возразить, что я не подданный Его Величества, а гражданин Североамериканских Соединенных Штатов, за что тут же получил удар по лицу. Потом мне разъяснили, что такой страны, как САСШ, нет, а есть лишь мятежные английские колонии. И я должен гордиться тем, что служу под славными знаменами лучшего в мире флота. Когда же Билли начал спорить, то его «наклонили» – привязали за ноги и за руки к наклонной палубной решетке и всыпали полдюжины ударов кошкой-девятихвосткой, причем меня заставили, как сказал капитан, «в воспитательных целях», наблюдать за избиением.

Матросская жизнь всегда тяжела, даже на торговом судне. Но то, что творилось на кораблях британского королевского флота, можно смело назвать адом на земле, точнее на воде. Корабельные палубы были похожи на бочку с селедками. Моряки спали в «помещении» – отгороженном матерчатыми занавесками пространстве между двумя пушками. В таком «помещении» на подвесных гамаках могло располагаться до десяти человек.

Утром, на рассвете, нас будил пронзительный сигнал боцманской дудки. Раздавалась команда: «Все руки на палубу!», или, как говорят в таких случаях русские моряки, «Свистать всех наверх!».

С утра пораньше мы начинали наводить на корабле порядок – мыть и скрести палубу увесистым пористым камнем, называемом за свою форму «Библией». После – завтрак, чаще всего это была жидкая и склизкая овсянка, или «шотландский кофе» – так мы называли высушенный и обожженный кусок хлеба, разваренный в кипятке, в который иногда добавляли немного сахара.

Потом начинались корабельные работы. Мы начищали пушки, драили медяшки, тренировали ставить и спускать паруса, обтягивали снасти. По воскресеньям корабельный священник служил на палубе обедню, на которую боцманы с ужасными проклятиями и богохульствами сгоняли команду.

Матросов держали в строгости, за малейшую провинность нас пороли плеткой. Офицеры не только наказывали, но и всячески унижали матросов, обзывая их скотами, ублюдками и другими мерзкими словами. Особенно свирепствовали юные мичманы, которым порой было всего-то двенадцать-тринадцать лет от роду. Этим молокососам доставляло удовольствие издеваться над взрослыми матросами, например, ни с того ни с сего дать пинка насквозь просоленному матросу первого класса, зная, что тот не может достойно ответить на побои и оскорбления.

Один из таких мичманов, тринадцатилетний Гарри Смит, за что-то невзлюбил Билли. Он всячески унижал и оскорблял моего друга. И вот однажды Билли не выдержал и ответил сопляку, назвав его женой старшего офицера. Вся команда знала, что старший офицер Джереми Гопкинс и Гарри Смит состоят в содомской связи. Но говорить об этом вслух никто не рисковал. А Билли посмел. Мичман тут же нажаловался своему покровителю, и моего друга выдрали плетьми так, что он чуть было не помер. Две недели он спал только на животе – вся его спина превратилась в одну кровоточащую рану.

И тогда Билли решился на побег. Он ничего не сказал мне об этом, боясь, что я убегу вместе с ним. И тем самым он во второй раз спас меня от смерти…

Через три месяца мы зашли в голландский Хаарлем, и Билли сбежал с фрегата. Но голландцы поймали его и выдали командиру нашего корабля, после чего, в назидание другим, Билли повесили на рее. Труп бедняги провисел несколько дней, а потом его выбросили в море, привязав к ногам пушечное ядро. Я молча смотрел на казнь своего друга, по щекам моим текли слезы, но я ничего не мог поделать. Одно я знаю точно – если мне удастся выбраться живым из ада, именуемого королевским флотом, то я отомщу этому молокососу и содомиту

Гарри Смиту и всем прочим мучителям Билли за его смерть.

А сам я решил тоже бежать с корабля, причем как можно быстрее. Но сделать это следовало с умом. Более того, нужно вести себя так, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Тем не менее и меня пороли раз семь, в большинстве случаев, по моему мнению, безвинно. Только кого интересовало мое мнение… Впрочем, и остальным матросам регулярно доставалось от боцмана и офицеров.

Год назад мы зашли в прусский Мемель. Как я слышал, пруссаки ведут себя по отношению к англичанам далеко не столь услужливо, как голландцы, и редко выдают беглецов. Но тем не менее исключить этого было нельзя, тем более что в таких случаях британцы за поимку беглеца обещают немалую награду. Так что если и бежать, то надо сделать все, чтобы не попасться в руки этим душегубам-англичанам.

Я был на хорошем счету у командования нашего фрегата, и потому мне в Мемеле было дозволено сойти на берег. Никто не знал, что я неплохо говорю на данцигском диалекте немецкого, который не так уж сильно отличается от мемельского. В портовом кабачке я услышал, как какой-то матрос рассказывал другому, что его корабль на следующее утро уходит в русский Санкт-Петербург, и что у них на борту не хватает матросов. Обычно моряки, отпущенные на берег погулять, возвращаются на корабль лишь на следующий день, так что, подумал я, когда меня хватятся, то я уже буду в море.

Узнав про мой немалый опыт, меня без особых разговоров взяли на прусский торговый корабль, предупредив, однако, что если нас остановят англичане, то им меня выдадут. Но нам повезло – мы дошли до Петербурга без каких-либо проблем.

Город мне очень понравился – он был даже красивее, чем Чарльстон, и я решил попробовать в нем остаться. Ведь в море я рисковал попасть в лапы проклятых англичан. Меня практически сразу же взяли на работу на верфи. Что-что, а чинить корабли я умел, а науку их строить постиг очень быстро – и я начал уже готовиться к экзамену на тиммермана – старшего плотника.

Трудился я на строительстве 74-пушечного корабля «Селафаил» под руководством корабельного мастера Ивана Амосова. Все бы хорошо, разве что зима в России оказалась очень суровой.

И теперь я решил сделать все, чтобы не допустить убийство императора моей новой родины, тем более людьми, связанными с англичанами. Но к кому обратиться? К мастеру на верфи? Так он меня попросту засмеет. К стражникам, которые охраняли Михайловский дворец? В лучшем случае они меня тоже засмеют, в худшем – те, к кому я обращусь, сами окажутся замешанными в заговор. В Тайную экспедицию? Боюсь, меня могут заподозрить в чем-нибудь преступном, как иностранца. К кому же мне обратиться?

Я остановился перед подъемным мостом через небольшую речку, которую русские называли Мойкой. Неожиданно путь мне преградили двое людей в странной пятнистой одежде, которая вряд ли была военной формой. Но в руках у них было оружие, причем мне абсолютно незнакомое, совсем не похожее на обычные мушкеты. И я услышал слова, сказанные по-русски:

– Стой, ты кто такой?!

Ночь с 1 на 2 (13 на 14) марта 1801 года.

Санкт-Петербург. Дом у Полицейского моста.

Граф Петр Алексеевич Пален,

военный губернатор Санкт-Петербурга

Петер Людвиг фон дер Пален – такое имя он получил при рождении – не спал, хотя было уже далеко за полночь. Он вообще в последнее время мало спал – заговор уже вызрел, и сил в распоряжении Палена было вполне достаточно для того, чтобы свергнуть с престола и прикончить этого курносого шута, который возомнил, что он и в самом деле настоящий правитель огромной и дикой Московии.

Потомок рыцарей Тевтонского ордена, огнем и мечом завоевавших Курляндию, фон Пален никому не прощал нанесенных ему оскорблений. Именно такой обидой он посчитал свое увольнение со службы в декабре 1796 года.

А все началось с обычного недоразумения. В то время Пален исполнял обязанности генерал-губернатора Курляндии. И надо же было такому случиться – в Риге по приказанию императора Павла I была подготовлена торжественная встреча бывшего польского короля Станислава-Августа Понятовского, направлявшегося в Петербург.

С немецкой педантичностью и аккуратностью на улицах Риги выставили почетный караул, а в ратуше приготовили пышный обед, на котором лучшие люди города должны были чествовать бывшего короля Польши, когда-то имевшего честь разделить ложе с будущей российской императрицей Екатериной Великой.

Но тут произошло непредвиденное – Станислав-Август со своей свитой проехал мимо Риги, а в тот же самый день в городе оказался высланный царем из Петербурга другой, последний по счету фаворит любвеобильной императрицы, князь Платон Зубов. Вот тут-то Пален и совершил роковую ошибку. Видимо, решив, что не стоит пропадать добру, он приказал отдать опальному вельможе почести, положенные ему, как российскому генералу, и пригласил его на обед в ратушу. Все были довольны, но о сем курьезном (с точки зрения Палена) происшествии «доброжелатели» тут же поспешили доложить императору. Тот вспылил и прислал гневный рескрипт, в котором было написано следующее: «С удивлением уведомился я обо всех подлостях, вами оказанных в проезд князя Зубова через Ригу; из сего я и делаю сродное о свинстве вашем заключение, по коему и поведение Мое против вас соразмерено будет».

Это была больше, чем пощечина. Это был плевок в лицо. И кем было нанесено это оскорбление потомку крестоносцев?! Шутом и фигляром, которого царственная мать, как слабоумного, столько лет не допускала к управлению государством! Такой обиды Петер Людвиг фон дер Пален не мог простить. И пусть потом, через полгода, император сменил гнев на милость и снова вернул генерала на службу, осыпав его наградами и чинами – дал титул графа, сделал начальником всех остзейских губерний и канцлером Мальтийского ордена, – но обида осталась, и смыть ее можно было только кровью. Царской кровью…

Пален начал исподволь готовить месть. Он подыскивал единомышленников, проверял их и осторожно подводил к мысли о необходимости свержения императора Павла. Конфидентов оказалось немало – своими экстравагантными поступками император нажил себе немало врагов.

И вот заговор наконец созрел. На днях была поставлена последняя точка – свое согласие на участие в нем дал сам цесаревич Александр Павлович. Осталось лишь назначить день, когда Павел будет захвачен врасплох в своей новой резиденции…

А сегодня поздно вечером к Палену примчался человек, приставленный к императору, чтобы следить за каждым его шагом, и сообщил о встрече царя неподалеку от Арсенала со странными людьми, которые передвигались на не менее странных самобеглых каретах. Откуда они появились и кто они такие, не знал никто. У графа была хорошая память – ему было известно, что в течение суток в Петербург не въехал через заставы ни один вызывающий подозрения человек. Ни иностранец, ни подданный Российской империи.

Пален был храбрым человеком и доказал это в сражениях с турками и мятежными поляками. Но в то же время он был осторожен, можно даже сказать, подозрителен. Все непонятное настораживало его. Граф несколько раз переспросил своего соглядатая, выпытывая у него подробности о внезапно появившихся ниоткуда людях.

Их было немного – примерно два десятка, среди них – две женщины и лохматая черная собака неизвестной породы. Часть незнакомцев была вооружена странным оружием, это особо отметил видевший прибытие этих людей в Экзерциргауз. И приехали они на каретах, двигавшихся без помощи лошадей. С императором Павлом эти люди разговаривали по-русски, причем как равные с равным, безо всякого подобострастия и политеса. Это было очень удивительно – Пален прекрасно знал, что царь весьма щепетильно относился к придворному этикету, хорошо помня те унижения, которым он подвергался со стороны придворных императрицы Екатерины в бытность его цесаревичем.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

ГМ-94 – российский помповый гранатомет с подвижным стволом.

2

В доме 4 по Литейному проспекту находится Управление ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В народе это огромное мрачное здание называют Большим домом.

3

Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова.

4

Память святого святителя Софрония патриарха Иерусалимского Православная церковь отмечает 11 (24) марта.

5

28 июня 1762 года Екатерина свергла с престола своего мужа – императора Петра III.

6

Средства индивидуальной бронезащиты.

7

ОКД – общий курс дрессировки; ЗКС – защитно-караульная служба.

8

Шутливое прозвище бойцов питерского спецотряда «Град».

9

Соответствует примерно девятистам километрам.

10

Так сами себя именуют лютеране.

11

Эти слова в качестве девиза были начертаны в гербе Аракчеева.

12

Книга Екклесиаста, 1:18.

13

Свобода, равенство, братство – лозунг Великой французской революции.

14

«И ты, Брут? Тогда умри, Цезарь!» – Шекспир, «Юлий Цезарь», акт III, сцена 1.

15

На жаргоне моряков – в могиле.

Купить: https://tellnovel.com/harnikov_aleksandr/vezhlivye-lyudi-imperatora

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити